

ТРИПТИХ В ЧЕРНО-БЕЛЫХ ТОНАХ

Тамара Крюкова

Современная проза (Аквилегия-М)

Тамара Крюкова

Триптих в чёрно-белых тонах

«Аквилегия-М»

2011

УДК 82-31
ББК 84Р7-4

Крюкова Т. Ш.

Триптих в чёрно-белых тонах / Т. Ш. Крюкова — «Аквилегия-М», 2011 — (Современная проза (Аквилегия-М))

Тамара Крюкова – лауреат Первой премии IV Всероссийского конкурса «Алые паруса», Первой премии Международного общественного фонда «Русская культура», обладательница многих других престижных наград. «Триптих в чёрно-белых тонах» – это роман о любви, история современного Пигмалиона. Он мастер, она лишь податливая глина в его руках. День за днём из ничего он лепит совершенство. Но однажды всё меняется. Она перестаёт быть послушной марионеткой. Отныне она режиссёр и кукловод в этом театре жизни.

УДК 82-31
ББК 84Р7-4

© Крюкова Т. Ш., 2011
© Аквилегия-М, 2011

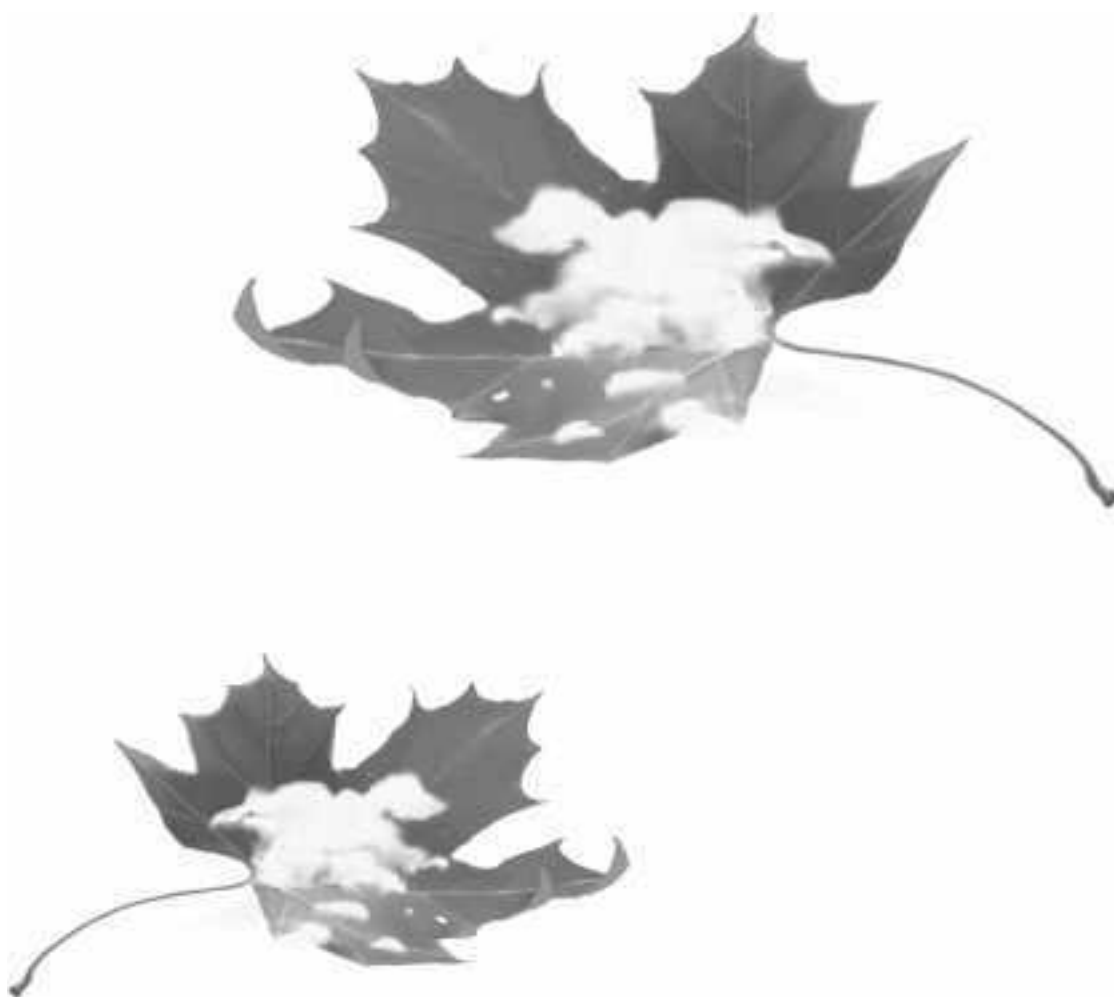
Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Тамара Крюкова

Триптих в чёрно-белых тонах

Часть первая Серое

Глава 1

Нудный, морозящий дождь серым тюлем повис над городом. Краски осени погасли, всё вокруг стало унылым и безрадостным. Листья, ещё недавно полыхавшая червонным золотом, пожухла и облетала с каждым порывом ветра.

Близился час пик. На автобусной остановке собралась огромная толпа. На краю тротуара, нахохлившись, стояла молоденькая девушка в мешковатой серой куртке. Она выглядела, как гадкий утёнок, которого отвергла благородная стая. Её белёсые волосы были зализаны назад так, что девушка казалась почти лысой. Дужки очков оттопыривали покрасневшие от холода уши. Старомодная роговая оправка, какую носят разве что пенсионеры перед телевизором, тоже не делала её привлекательной. Девчонка настолько смирилась со своим неказистым обликом, что ей даже не приходило в голову сменить оправку на более стильную.

Она избегала смотреться в зеркала, потому что знала, что не увидит там ничего утешительного. Впрочем, внешность была не единственным её огорчением. Она была недотёпой во всём, начиная с имени – Клавдия. Клава. Ну кого в наше время называют таким нелепым именем? Разве что компьютерную клавиатуру.

Дождь усилился. Промокшая и озябшая, Клавдия ждала автобус и кляла себя за то, что не взяла зонт. Вообще-то она считала зонт обузой и предпочитала обходиться без него, но сегодня могла бы и захватить. Руку бы не оттянул. Моросило с самого утра.

Капли дождя стекали по лицу и по волосам, норовя попасть за шиворот. Клавдия наглухо застегнула молнию и подняла воротник, но это не спасало от холода, потому что куртка промокла насквозь. Хорошо, если просохнет до завтра. Вечером ещё мама будет пилить за то, что она пошла без зонта, но кто же знал, что дождь так разойдётся?

Стёкла очков заливало водой, и Клавдия почти ничего не видела. Она хотела снять ненужные очки, когда к остановке, шурша шинами, подкатил автобус. По закону Архимеда он выплеснул воду из лужи на тротуар, окатив Клавдию грязной жижей, и со вздохом, словно нехотя, открыл дверь.

Толпа ринулась к входу. Люди толкались и отпихивали друг друга, как будто это был последний автобус. Дождь стебал их по спинам тугими струями, и от этого остервенение толпы усиливалось. Сильнее всех напирали те, кто призывали других к порядку. Клавдия пропустила уже два автобуса. Она решила во что бы то ни стало сесть на этот, но не успела опомниться, как её оттеснили от двери. Вечная неудачница, она опять оказалась в последних рядах. Мужчина рядом, энергично работая локтями, пробивался вперёд. С его зонта Клавдии за шиворот стекала холодная струйка.

«Ну почему мне так не везёт! Неужели и этот автобус пропущу!» – с горечью подумала Клавдия. Она всегда приходила последней к раздаче подарков судьбы. Ей вдруг отчаянно захотелось хоть раз в жизни добиться своего. Она решила, что если останется на остановке, то вместе с автобусом уедут все её надежды.

Клавдия пристроилась за мужчиной с зонтом и протиснулась вслед за ним. Она уже занесла ногу над ступенькой, когда дверь стала закрываться. Девушка ухватила за поручень, подтянулась и вскочила на ступеньку. Она полустояла, полувисела, вцепившись в поручень так, словно от этого зависела её жизнь. Дверь заклинило. Народ недовольно зароптал.

Клавдия понимала, что должна спрыгнуть на тротуар, но всё её существо протестовало против такой несправедливости. «Я не выйду. Я не выйду», – как заклинание повторяла она, изо всех сил пытаясь удержаться.

Шофёр объявил, что, если не отпустят дверь, он дальше не поедет. После этих магических слов пассажирская масса, как по мановению волшебной палочки, колыхнулась, ужалась, дверь натужно закрипела и захлопнулась. Чрево автобуса всегда переваривает всех счастливых, коим удалось в него попасть.

Клавдию охватило ликование, и она невольно улыбнулась. Многие бы посмеялись над столь ничтожной радостью, но для неё это была настоящая победа. Клавдия так привыкла считать, что никогда ничего не добьётся, что это маленькое достижение вселило в неё надежду на удачу.

Девушка балансировала на одной ноге. Чья-то сумка больно вдавилась ей в бок. Но зато она ехала! Тесно сомкнувшиеся ряды собратьев по счастью не дали бы ей упасть, даже если бы она захотела. Стёкла очков запотели, но протереть их в такой давке было невозможно.

Постепенно ощущение счастья померкло. На следующей остановке предстояло бороться, чтобы не выпасть на тротуар, а если такое случится, нужно было не оплошать, чтобы её занесли обратно в автобус.

Ступенькой выше стояла женщина средних лет. Она держалась за поручень, одновременно сжимая в руке пластиковый пакет. Море, пальмы и загорелая девица в бикини на кар-

тинке выбивались из серой повседневности переполненного автобуса, по стёклам которого стекали мутные струйки, отчего мир за окном казался неуютным и тоскливым. Лица пассажиров были усталыми, а глаза такими же тусклыми, как давно не мытые окна.

От нечего делать Клавдия представила, как повела бы себя тётка с пакетом, окажись она сейчас на залитом солнцем пляже. Пожалуй, через день-два устремилась бы назад в город, к мужу и детям, чтобы потом до конца дней попрекать их тем, что ради семьи она пожертвовала райской жизнью.

А сидящий рядом толстяк быстро бы освоился и ни за что не вернулся бы в контору, где провёл большую часть своей жизни.

Много народа вышло возле супермаркета. Вновь вошедшие притиснули Клавдию к турникету. Она порылась в карманах куртки в поисках проездного. Билета не было. Сзади напирали.

Клавдия с трудом стащила со спины рюкзак. В боковом кармане лежал пакетик жвачки, шариковая ручка и сломанный карандаш. Клавдия растерялась: куда же она могла сунуть билет? Не хватало потерять его в самом начале месяца!

Она затрудняла подход к турникету. Недовольство толпы возрастало.

– Что там застряла?

– Проходи вперёд, – подгоняли девушку сердитые голоса.

– Сейчас. Одну минутку, – Клавдия лихорадочно пыталась нащупать проездной на дне рюкзака.

– Вот молодёжь пошла. Всё норовят на халяву прокатиться, – сказал какой-то злобный старик.

– У меня проездной... Не могу найти, – оправдывалась Клавдия.

– А не можешь, так бери билет.

– У меня нет денег, – в отчаянии сказала Клавдия.

– Высадить тебя, чтоб неповадно было, – распалялся старикан.

Порой хватает одной искры, чтобы занялся пожар в сухом лесу, так и в толпе достаточно одного слова, чтобы разжечь недовольство и злобу.

– Правильно! Высадить её! Вылазь!

Клавдию стали пихать, стараясь отеснить от турникета. Губы девушки задрожали, а на глаза навернулись слёзы. Неужели ей придётся выйти из автобуса и топтать под дождём пешком? Это несправедливо. Она впервые поверила, что удача может ради разнообразия повернуться к ней лицом. Ну почему ей всегда так не везёт?

Вдруг кто-то пропихнул её через открывшийся турникет:

– Проходи.

Клавдия обернулась и от удивления потеряла дар речи. За спиной стоял высокий красивый парень. Он был чужим в сером мире осенних будней, как будто сошёл с рекламного плаката.

«Наверное, он мне снится», – подумала Клавдия.

Парень следом за ней протиснулся в салон и оказался рядом.

– Благодетель нашёлся, – продолжал ворчать старик. – Молодёжь пошла – всё можно. Одни кошачьи свадьбы! – ни с того ни с сего выкрикнул он.

– Да, мы такие. А тебе, дед, завидно? – с нагловатой ухмылкой сказал парень и обнял Клавдию за плечи.

Девушка стояла не дыша. Этого не могло происходить с ней. Наверное, она спит и видит во сне сказочного принца. Клавдия чувствовала его руку у себя на плече и боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть волшебство. Она и мечтать не могла, что такой сногшибательный парень её обнимет. Клавдия готова была всю жизнь ехать в переполненном автобусе, только бы он был рядом.

Злобный голос старикана доносился как будто из другого мира:

– Видали, как разговаривает сопляк? Вот вырастили поколение.

Вадим молчал и с выражением полного равнодушия на лице слушал, как распаляется скандальный старик. С одной стороны, он жалел, что связался со старым брюзгой, а с другой – получал извращённое удовольствие оттого, что вывел из себя это ископаемое. Ему претили плешивые неудачники, которые всегда были всем недовольны и при этом вечно учили всех жить. Он и белобрысую выручил не из сострадания, а в пику старикану. Ясно же, что тот привязался к девчонке, потому что она не ответит. Она же, запуганная и забитая, поэтому над ней можно измываться безнаказанно.

Не известно, чем бы это закончилось, но на следующей остановке злобный старик вышел. Вадим убрал руку с плеча девчонки. Она с таким обожанием смотрела на своего неожиданного спасителя, словно тот был ожившим идолом.

«Прямо, по Достоевскому: тварь дрожащая, – подумал Вадим. – Не хватало, чтобы серая мышка на меня запала». Под её восторженным взглядом он чувствовал себя неловко. Вадим нарочито отвернулся.

Пассажиры выходили и заходили, хлопали зонты, словно перепончатые крылья летучих мышей. Клавдия смотрела парню в затылок и лихорадочно соображала, как с ним заговорить.

Вадим спиной ощущал, что девчонка продолжает глазеть на него. Он понял, что совершил глупость, когда полез со своей благодетельностью. Нет никого прилипчивее благодарной дурнушки. Хорошо ещё, что скоро ему выходить.

Больше всего на свете Клавдии хотелось, чтобы парень обернулся и заговорил с ней, но чудеса не происходят каждую минуту. И тут она вспомнила, куда положила проездной. Девушка сунула руку в карман джинсов. Так и есть! Ей так отчаянно хотелось обратить на себя внимание, что она наперекор своей извечной робости протянула незнакомцу белый кусочек картона и торжествующе произнесла:

– Вот! Нашёлся.

Вадим нехотя повернулся и безразлично пожал плечами.

– Мне-то что? Радуйся.

– Просто я не хотела, чтобы ты подумал, будто я... – начала она, но парень не дал ей договорить.

– Какая разница, что я о тебе подумая? – отмахнулся он.

Автобус остановился.

– Не бери в голову. Живи и радуйся, – бросил ей Вадим на прощание, открыл зонт и вышел в дождь.

Не отдавая себе отчёта, Клавдия дёрнулась было за ним.

«Только не это! Неужели белобрысая на что-то надеется?» – подумал Вадим, боковым зрением заметив её порыв.

Клавдия спохватилась, что это не её остановка. Дверь захлопнулась, автобус тронулся, увозя её прочь от несбыточной мечты.

Вадим испытал облегчение, что девчонка не вышла вместе с ним. Быть грубым не хотелось. Хорошо, что у неё хватило ума остаться в автобусе.

Клавдия всматривалась в мутное окно. Парень уже скрылся из виду. Она со всей безысходностью поняла, что самое интересное, что могло случиться в её жизни, уже произошло и больше ждать нечего. Сказочный принц никогда не обнимет её за плечи. У него наверняка есть девушка. Почему всё лучшее всегда достаётся другим?

«Потому что я хуже всех», – с жестокой прямолинейностью ответила на свой вопрос Клавдия.

Глава 2

Зябко.

Пока Клавдия добралась домой, она продрогла до костей. Стянув мокрую одежду, направилась в душ и подставила тело под горячие струи. Озноб не проходил. Она заткнула сливное отверстие пробкой. Вода почти обжигала, после холода приятно пощипывая кожу. Клавдия редко пользовалась ванной, предпочитая быстрый и экономичный душ. Но сегодня хотелось чего-то из ряда вон выходящего. Она бросила в воду кристаллики ароматизированной соли и включила встроенный радиоприёмник. Настроившись на радиостанцию «Relax-FM», она снова погрузилась в воду.

Скоро ванная комната наполнилась молочным паром и запахом лаванды. По телу разлилось приятное тепло. Клавдия слушала музыку и нежилась в пене, словно в облаке, пока вода не начала остывать. Большое зеркало запотело. Клавдия протёрла его ладонью. По поверхности стекла поползли змейки, размывая отражение и делая его нечётким.

«Всё равно ничего хорошего я там не увижу», – вздохнула Клавдия. Она вытерлась, обмотала вокруг головы полотенце и только тут с досадой вспомнила, что не приготовила заранее одежду. Приоткрыв дверь, она выглянула в коридор. После нагретой ванной воздух в квартире показался ледяным. Выходить в такой холод голышом не хотелось, но делать нечего, сама одежда не прибежит.

Клавдия поёжилась и вынырнула в комнату. Торопясь и путаясь в штанинах, она натянула спортивные брюки, футболку и свитер из некрашеной, деревенской шерсти. В прошлом году она откопала его на даче среди старых вещей. Свитер был бесформенным и большущим, чуть ли не до колен, но зато в нём было тепло и уютно.

Клавдия зашла в спальню мамы, где зеркальные дверцы шкафов тянулись во всю стену, и стала себя придирчиво разглядывать.

Влажные волосы тусклыми прядями свисали почти до пояса. Её всегда удивляло стремление девочек обесцветить волосы. Она не находила ничего хорошего в том, чтобы быть блондинкой и с удовольствием променяла бы белёсую косу на стильную стрижку с каштановым отливом, как у мамы. Но у мамы волосы вились от природы, а её прямые космы стрижка не украсит.

Клавдия критически всмотрелась в свои глаза и с сожалением подумала, что если глаза – зеркало души, то вряд ли кому понравится серое зеркало. Во всяком случае, у всех героинь любовных романов глаза были непременно голубыми или, на крайний случай, зелёными.

С губами дело обстояло и того хуже. Блёклые, бескровные, в общем никакие. Клавдия немного построила гримасы, стараясь придать лицу то задумчивое, то игривое выражение, но вынуждена была признать, что фраза «сладострастные губы» к ней не имеет никакого отношения.

– Страхолюдина, – вздохнув, подвела итог Клавдия и пошла на кухню.

Разогреть обед было лень. Она налила чашку молока, отрезала ломоть хлеба и вернулась в комнату. Поджав ноги, Клавдия уселась в кресло и принялась за еду.

А он наверняка обедает, как положено, с салфеткой и прибором. От этой мысли у неё пропал аппетит. А ведь мама твердила, что стол должен быть сервирован, даже если обедаешь одна. Клавдия считала это глупой тратой времени, но сегодня впервые подумала, что мама в чём-то права, и остро ощутила своё несовершенство.

Вставив в стереосистему диск Милен Фармер, Клавдия извлекла из рюкзака книги, забралась с ногами в кресло и, отхлёбывая молоко, открыла учебник.

Телефон ласково замурлыкал. Клавдия прошлёпала в гостиную, не спеша взяла трубку и вернулась назад.

– Ключка, ты что там, спишь? – услышала она голос мамы.

«До каких пор меня будут звать Ключкой?» – раздражённо подумала Клавдия. Кличка привязалась к ней ещё в раннем детстве, когда она училась говорить первые слова. Мама ласково называла её Клавушкой, а у неё вместо трудного, длинного слова получалось «Ключка». Клавдия привыкла к домашнему прозвищу и воспринимала его как второе имя, но сегодня оно звучало обидно.

– Пока не сплю, но близка к этому, – буркнула она.

– Что? – не поняла мама.

– Реферат пишу.

Девушка опустила глаза на учебник и только сейчас заметила, что держит его вверх ногами.

– Ты пообедала?

– Ма, ну я же не маленькая. Что ты меня всё время пасёшь?

– Что за выражение? До чего же ваше поколение любит засорять русский язык! Суп разогреть поленилась?

– Откуда ты знаешь?

– Я же тебя насквозь вижу. Говоришь, что взрослая, а ведёшь себя, как ребёнок. Опять куски хватаешь. Хочешь желудок испортить?

Дальнейшую тираду можно было не слушать. Клавдия знала её наизусть: и о нагрузке, и о здоровье, и о будущем. Она со скучающим видом ждала, когда ей нужно будет вставить свою реплику. Обычно они не отличались большим разнообразием. «Ладно», «хорошо», «поняла», «угу» – вполне хватало для поддержания разговора.

Мы как будто играем заученную пьесу, где каждый актёр делает вид, что его слова что-то значат, а на самом деле всё уже и так ясно, и реплики произносятся просто, чтобы заполнить время до завершения действия.

Эта мысль напомнила ей о стареньком альбоме с вырезками из журналов. Положив трубку, Клавдия достала его из нижнего ящика письменного стола. Школьницей, классе в пятом, она начала собирать фотографии и интервью с любимыми актёрами. Тогда все девчонки заводили такие альбомы. Теперь они заводят романы, а ей остаётся только перелистывать старую коллекцию.

Она открыла страничку, с которой улыбалась популярная красавица прежних лет, белокурая Клаудия Шифер.

– Хорошо тебе. Он бы в тебя сразу влюбился, – вслух сказала девушка. – А такой клуше, как я, только над рефератами корпеть. А ещё говорят, человек – хозяин своей судьбы. Если бы я была хозяйкой, ни за что не стала бы Ключкой. Почему так получается? Ведь мы почти тёзки. Только Клаудия звучит гордо. А Клавдия – полный нафталин. Ну почему я не родилась похожей на маму?

Антонина Павловна была приятной, моложавой брюнеткой. Клавдию не принимали за её дочь. Во-первых, потому что время отнеслось к Антонине Павловне снисходительно. Она выглядела значительно моложе своих лет. А во-вторых, трудно было представить себе двух более несхожих людей.

В отличие от дочери, Антонина Павловна одевалась с большим вкусом. Она преподавала сразу в двух престижных вузах и следила за собой, справедливо полагая, что внешность – это часть её профессии. Подстриженная по последней моде, в изысканном, строгом костюме, она выглядела, как типичная деловая женщина.

Рождённая под знаком солнца, Антонина Павловна была властной натурой. При желании она могла бы заставить Клавдию одеваться более пристойно, но её устраивало, что под мешковатой, бесформенной одеждой трудно заподозрить, что девушка неплохо сложена. У неё были на это свои причины.

ЗА КУЛИСАМИ

(банальное танго в стиле ретро)

Весна. Деревья только начали покрываться зеленоватым пушком. Отдохнувшая за зиму земля была напитана влагой. Она нежилась под лучами солнца, готовясь к материнству, и от неё поднималось тёплое дыхание. Дачные домики ещё не укутались в кипень зелени и цветов и смотрелись голо сквозь просветы между деревьями. Сколько Антонина себя помнила, она извечно возвращалась летом на эти заколдованные шесть соток.

Как она мечтала вырваться отсюда! Но сначала она была «слишком маленькой, чтобы путешествовать самостоятельно», а потом ездить по путёвкам было «дорого и непрактично, когда есть собственная дача». Как будто в двадцать с небольшим от отдыха ждёшь только хорошего питания и тишины. А когда они с матерью остались вдвоём, всякие надежды на поездки в дальние странствия отпали сами собой. Она не могла бросить всё на мать. Правда, в этом году Евдокия Степановна предложила ей поехать куда-нибудь в дом отдыха.

«Тебе бы надо как-то устроить свою жизнь», – словно извиняясь, сказала она.

Опомнилась. Как будто в двадцать семь так легко начать устраивать свою жизнь. Правда, Антонина выглядела лет на двадцать с небольшим, но всё равно поезд ушёл. Теперь на танцы с юнцами не пойдёшь пару искать. А что, если в самом деле купить путёвку и махнуть куда-нибудь подальше?

– Хозяйка! – услышала она с улицы незнакомый голос и, на ходу стаскивая резиновые перчатки, поспешила к калитке.

Посреди дороги стоял мотоцикл с коляской, а рядом – настоящий былинный богатырь. Несмотря на раннюю весну, его красивое открытое лицо было загорелым, и от этого густая шевелюра казалась совсем светлой, почти платиновой с лёгкой примесью золота. Он был так удивительно сложен, что даже потёртая куртка и замусоленные джинсы не скрывали его стати.

– Молоко не нужно? Последний баллон остался.

Илья любил производить впечатление на тех, кто видел его впервые, хотя, казалось, должен был к этому привыкнуть. Женщины охотно влюблялись в него, и он платил им тем же. Он искренне любил их всех: худышек – за хрупкость, толстушек – за пышность, высоких – за рост, а низеньких – за миниатюрность.

Брюнетка с дачи была довольно привлекательной. На вид ей было года двадцать два, двадцать три.

– Подождите минутку, я сейчас принесу деньги, – Антонина поспешила в дом.

Когда она вышла, парень стоял, привалившись сбоку к сиденью мотоцикла.

– А пустой баллон есть? – спросил он.

– Нет, но я заплачу, – сказала Антонина.

– Мне деньги не нужны. Может, есть во что перелить?

Свободной оказалась только крошечная литровая кастрюлька. Антонина вынесла её на крыльцо и беспомощно пожала плечами.

– Вот только эта. Может, по чашкам разлить?

Она словно ожидала, что решение должен принять он. В её взгляде было нечто трогательно-беззащитное и женственное, что испокон веков заставляло мужчин чувствовать себя сильными мира сего и проявлять покровительство.

– Ладно. Я за банкой завтра заеду, – милостиво согласился Илья.

– Я на неделю уезжаю в город, – предупредила Антонина и добавила: – Но мама живёт здесь постоянно.

– Значит, заеду в выходные? – вопрос прозвучал как утверждение. Не дожидаясь ответа, он по-мальчишески улыбнулся:

– Ох, и заругает меня мать. Она наказывала банки нигде не оставлять.

Мотоцикл сорвался с места и с треском укатил по дороге, петляющей мимо дачных участков. Антонина прошла в дом и не спеша налила в чашку парное молоко.

«Не надо было говорить, что меня не будет. Приехал бы завтра и забрал банку у мамы.

А так получается, вроде я свидание назначила. Интересный тип. Как мальчишка. Эдакий бугай, а боится, что его мать заругает. Довольно трогательно. Интересно, он женат? Наверняка. Такой красавец. А что, если не женат? Впрочем, мне-то какое дело?»

*Серый бетон деловых будней казался незыблемым,
но вдруг впорхнули мысли,
лёгкие, как прикосновение крыльев мотылька.
Эфемерные и ничего не значащие мысли.
Может, бетон дал трещину?*

* * *

Антонина не представляла, что звук приближающегося мотоцикла может её так взволновать. Она на ходу глянула в зеркало, поправила привычным жестом прядь волос, прихватила банку и выскочила на крыльцо.

– Ну что, жена вас не очень ругала? – как бы невзначай спросила она.

– Да я не женат, – улыбнулся Илья. – А ты замужем?

– Нет, – Антонина почувствовала неловкость. Сама виновата. Нечего было вворачивать «жену». Чтобы скрыть смущение, она поспешно сунула баллон в руки парня:

– Вот. В целости и сохранности.

Илья не успел взять банку, и она, выскользнув из рук, раскололась. Антонина невольно ахнула. Видя её испуг, Илья пожал плечами и рассмеялся: – Не судьба.

Он смотрел открыто и доброжелательно, и Антонина не могла не улыбнуться в ответ.

– Меня Илья зовут, – представился он.

– Антонина, – к своему ужасу, она почувствовала, что краснеет.

Илья не представлял, что есть женщины, которые смущаются и краснеют, как школьницы. По его наблюдениям, городские были ещё более настырными и наглыми, чем деревенские. В этой Тонечке было что-то особенное. Как бывалый охотник Илья почувствовал азарт.

*Рулетка жизни крутится, выбирая счастливицов.
Хочешь сорвать банк?
Играй!
Но помни: если выпадает красное,
то чёрные проигрывают.
Делайте ставки, господа.*

* * *

Всю следующую неделю Антонина доказывала себе, что, если они договорились, чтобы он при во зил молоко, – это ещё ничего не значит. Здравый смысл подсказывал, что между ею и этим деревенским красавцем не может быть ничего общего. Но всякий раз, когда она была готова согласиться с доводами рассудка, вдруг совсем некстати вспоминалась улыбка Ильи, его взгляд, лёгкость, с какой они перешли на «ты». И, невольно повторяя ошибки женщин многих поколений, она по малейшим чёрточкам и интонациям придумывала своего героя.

Антонина решила встретить Илью сдержанно. Накануне она сходила в парикмахерскую. Правда, её стрижка была запланирована на следующую неделю, но почему бы не подстричься перед выходными? Она долго не могла решить, как одеться, чтобы не показалось, будто она вырядилась нарочно. Шли часы, и сдержанность покидала её, просеиваясь сквозь сито ожидания и волнения. Она поймала себя на том, что прислушивается к каждому шороху на дороге и вздрагивает, заслышав возле калитки шаги.

Он не появился.

По пути на электричку, трясясь в рейсовом автобусе, Антонина испытывала жгучий стыд за свои неуместные фантазии, как будто совершила что-то непристойное. Неужели она всерьёз возомнила, что у неё будет роман? И с кем?

Прошедшие выходные надо просто вычеркнуть и забыть. На перроне стояла холодная и собранная деловая женщина. Издалека донёсся гудок электрички. Ожидающие засуетились. Антонина подошла поближе к краю платформы. Вдруг кто-то тронул её за локоть.

– Ух, думал, не успею!

Перед ней, широко улыбаясь, стоял Илья и протягивал банку молока.

– Откуда вы... ты... – от неожиданности она не знала, что сказать.

– Я раньше заехать не мог, а твоя матушка сказала, что ты уже уехала, вот я и гнал прямо с дачи.

Подошла электричка – люди ринулись на посадку. Возле каждой двери образовалась куча-мала.

– Я не сяду, – раздосадованно сказала Антонина, не зная, радоваться или огорчаться.

– Не волнуйся. Сейчас устроим, – пообещал Илья, крепко обхватил её и, врезавшись в толпу, стал протискиваться к входу в вагон.

Антонина чувствовала его руки, сильные руки мужчины, который ведёт тебя и решает твои проблемы. Когда Илья посадил её в поезд и, оттеснённый толпой, отошёл в сторону, она ощутила лёгкое разочарование, что их встреча была такой мимолётной.

Электричка тронулась.

– В субботу приезжай, – крикнул он на прощание.

Ноги у Антонины ослабли и сделались ватными. Чтобы не упасть, она прислонилась к стенке. Она стояла в прокуренном тамбуре и прижимала к груди банку парного молока.

Я засыпаю и вижу чудо.

Ты стоишь рядом и держишь меня за руку;

В твоих глазах весна.

Я просыпаюсь и вижу чудо.

Ты стоишь рядом.

А может, мне снится пробуждение?

* * *

Антонина всегда выглядела моложе своих лет и, когда подружки начали встречаться с мальчишками, была ещё не сформировавшимся, угловатым подростком. Всё её время занимала учёба. Она была лучшей ученицей, лучшей студенткой и аспиранткой, откладывая личную жизнь на потом, когда получит образование и у неё появится больше свободного времени. А после она осознала, что время безвозвратно упущено. Пока она защищала кандидатскую, подружки вышли замуж и обзавелись детьми. Теперь у них были другие заботы и интересы. Они всё реже виделись, ограничиваясь телефонными звонками.

Романтическая любовь, которую девушки переживают в юности, шквалом обрушилась на Антонину с опозданием на десять лет.

Встреча с Ильёй казалась невероятной, как всегда кажется невероятной первая любовь.

Горячка встреч сменялась агонией расставаний. Безумие прикосновений, объятий, поцелуев чередовалось с пыткой ожидания мгновений счастья. Здравый смысл и трезвый расчёт были скомканы и отброшены прочь, как ненужная ветошь.

... Жаркий шёпот в полутёмном коридоре:

– Подожди, не здесь. А вдруг нас услышат?

– Ну и пусть. Кому какое дело?

– А если кто-нибудь выйдет? Ты с ума сошёл.

– А кто меня свёл с ума?..

... Солнце просеивается сквозь листву берёз. Кроны мерно покачиваются, и кажется, что деревья движутся в медлительном хороводе.

Губы пахнут малиной. С жалобным треском ломаются ветки.

– Сумасшедший. Тут же крапива.

– Плевать. Ты мне нужна прямо сейчас...

... Терпко пахнет свежее сено. От него идёт тепло, и оно колется сквозь тонкий ситец сарафана.

– Ой, вон корова идёт.

– Чего ты испугалась, дурёха? Она сюда не залезет.

– Я боюсь коров.

– Со мной ничего не бойся.

Его рука скользит под сарафаном по её бедру. Сено мягко пружинит и шуршит.

* * *

– Знаешь, Тонечка, дело твоё, но мне кажется, что Илья тебе не пара, – осторожно начала разговор Евдокия Степановна.

Антонина напряглась, как натянутая струна, вот-вот готовая лопнуть. Она ожидала этого разговора. По подчёркнуто холодной вежливости, с которой Евдокия Степановна обращалась к Илье, Антонина поняла, что мать не одобряет их отношений.

– Конечно, он простой тракторист и не имеет университетского диплома, – с сарказмом сказала Антонина.

– Диплом тут ни при чём, – поджав губы, возразила Евдокия Степановна.

– Именно поэтому ты при нём сервируешь стол, как в учебнике по этикету, с тремя вилками. Думаешь, я не понимаю, что ты хочешь унизить его, показать, что он лезет не в свой круг? В этом, по-твоему, интеллигентность? – разозлилась Антонина.

– Девочка, неужели ты не видишь, что он просто красивый самец? Вам с ним даже говорить не о чем. Его интересует только плотское.

Антонина взорвалась. Сколько ещё она могла быть послушной девочкой? И к чему эти фальшивые разговоры про устройство личной жизни? Стоило ей полюбить, как тут же нашлась тысяча причин, почему её избранник пришёлся не ко двору. Она зло сощурилась и, чеканя каждое слово, произнесла:

– Я горжусь тем, что нашёлся мужчина, которого я интересую, как женщина.

Хлопнув дверью, она выбежала во двор.

* * *

– Что это ты, Илька, задумал? Тебе что, наших девок мало? Кажен день к дачникам шлын-даешь! Чем уж она тебя приворожила? – ворчала мать Ильи, шинкуя капусту.

– Она, мать, кандидат наук. Это звучит гордо. Ты по своей деревенской серости хоть слова такие знаешь? – улыбнулся Илья.

Он любил раззадорить мать, нарочно подшучивая над ней.

– Да хоть раскандидат. На кой тут в деревне её книжки? Коровам нотации читать? Тебе уж давно пора жениться и остепениться, а не шашни заводить.

– Так вот я и женюсь. Нарожаем тебе академиков, – Илья озорно подмигнул.

– Я те женюсь! Всё у тебя хиханьки да хаханьки. Жену надо с умом выбирать, чтоб хозяйка была и по дому, и в огороде. Мы и без учёности прожили.

– Сердцу не прикажешь. Может, у меня любовь? – Илья продолжал подначивать мать.

– Я те покажу любовь, паршивец! У тебя каждый месяц новая любовь, а корову матери доить. Уж когда только мне покой будет?! Мне б помощницу на старости лет. Я те дам любовь! – мать стала гонять Илью по кухне, охаживая его полотенцем. Он, по-мальчишески хохоча, увертывался, пока наконец ему не удалось вынырнуть во двор.

– Да ладно, ма, не сердчай. Что ты меня всё жениваешь? Должен же человек перед женитьбой нагуляться, а то потом и вспомнить будет нечего, – крикнул он из-за двери, смахивая выступившие от смеха слёзы.

Леса одевались в пёстрый осенний наряд. Антонина с ужасом ждала наступления холодов. Илья не заговаривал о зиме, как будто не задумывался о том, что их частым встречам придёт конец.

– Скоро надо будет забивать дом на зиму, – исподволь начала Антонина.

– Я помогу, – пообещал Илья. – Двум бабам без мужика в семье трудно.

Она ожидала, что он скажет что-то ещё, но он промолчал, и Антонина постеснялась продолжать разговор. Чем больше она думала, тем больше приходила к выводу, что причиной всему её мать. Евдокия Степановна не скрывала своего неодобрения, не удивительно, что Илья не осмеливался сделать предложение.

И вдруг всё решилось само собой. Когда Антонина узнала, что у неё будет ребёнок, она поняла: теперь никто не встанет у них на пути. Они поженятся, и Илья будет принадлежать только ей. Она не могла дожидаться, когда он придёт. Стоило Илье переступить порог, как она, не в силах больше носить эту радость в себе, ошеломила его новостью.

Илья молчал. Антонина подумала, что он ничего не понял из её восторженных восклицаний.

– У нас будет ребёнок, – улыбаясь, повторила она.

Илья понял всё, но ему нужно было прийти в себя. Он не любил бурных сцен расставаний, слёз, упрёков и радовался, что с Антониной всё будет иначе. Дачный сезон окончится, и под летним романом будет подведена черта. Кто же думал, что эта баба подложит ему такую свинью?

– Ядрёнать! – в сердцах бросил он.

Антонина ощутила привкус беды.

– Ну и что будешь делать? – как-то отстранённо спросил Илья.

От вопроса пахнуло холодом.

– Что я буду делать? – переспросила она. – А ты не хочешь спросить, что мы будем делать?

– А при чём тут я?

Антонине казалось, что это кошмарный сон. Этот человек не мог быть её Ильёй, честным, открытым, улыбочивым и понимающим.

– То есть как это при чём? Это ведь твой ребёнок, – тихо проговорила Антонина.

– А почём я знаю, что мой? Может, ты за моей спиной его нагуляла, а я теперь крайний.

– Ты думаешь, о чём говоришь? Ты ведь знаешь, что был у меня первым, – её губы задрожали от обиды.

Он не мог поступить с ней так жестоко. Пусть бы он просто отказался жениться, но зачем выливать ушат грязи?

Илья понят, что зашёл слишком далеко, но он не позволит себя захомутать.

– Ну ты не больно сопротивлялась, – ухмыльнулся он. – К тому же я тебе ничего не обещал. Как говорится: встретились и разбежались. Ты – не школьница. Должна была понимать, отчего дети рождаются.

*Слова любви – сосуд,
в котором бурлит пьянящее вино страсти.
Припади к живительному источнику.
Пусть его безумие и сила вольются тебе в кровь.
Как скоро вино испито.
Сосуд опустел.
Неужели бесполезные черепки, устилающие землю, —
это слова любви?*

Антонина испытала облегчение, когда у неё родилась девочка. Ей казалось, что, если бы у неё родился мальчик, она не сумела бы его полюбить, потому что вся горечь и ненависть к мужчинам перешли бы и на него. Нерастраченную любовь Антонина вложила в крошечное существо, просиживая над кроваткой бессонными ночами и поставив под угрозу блестящую карьеру.

Клюшка подрастала. От отца ей достались густые платиновые волосы с лёгким золотистым отливом и выразительные серые глаза, обрамлённые пушистыми ресницами. Антонина не хотела этого сходства. Когда белокурая Клюшка стала привлекать внимание, в матери поселился страх. Красивой девочке ничего не стоило попасть в грязные лапы охотников позабавиться. Антонина Павловна была уверена, что все мужчины сволочи и развратники. Она молча терзалась беспокойством, а по ночам просыпалась в холодном поту. Её долг был оградить Клавдию от нечистоплотных мыслей и похотливых рук.

Сама не осознавая, что делает, она с раннего возраста внушала дочери, что та страшенькая и старалась сделать её неприметной. Волосы прятались в туго заплетённую косу и зализывались так, чтобы нельзя было заподозрить, как они великолепны. Ещё до школы выяснилось, что у Клавдии небольшое отклонение в зрении, и Антонина надела на дочь очки.

Все в один голос говорили, что в этом нет необходимости, к тому же очки безобразили девочку, но Антонина настояла на своём. «Здоровье – прежде красоты», – безапелляционно заявила она. Она даже себе не признавалась, что лукавит. Её мучили красивые, серые глаза, которые она когда-то видела на другом лице.

«Придёт время, и девочка сама во всём разберётся. Главное – чтобы какой-нибудь подонек не испортил ей жизнь», – говорила себе Антонина Павловна. Она не подозревала, до какой степени исковеркала психику дочери своими стараниями.

К тому времени, как Клавдия выросла, она знала, что должна держаться от мальчишек подальше, потому что любовь – не для таких страшилищ, как она. Над ней парни могут только насмехаться. В девятнадцать лет девушка смирилась с мыслью, что её ждёт участь старой девы.

Глава 3

За ужином Клавдия невольно сравнивала себя с мамой. «Почему я не пошла в неё?» – с горечью думала она и вдруг спросила:

– Мам, а почему ты не вышла замуж? Ты такая красивая.

Антонина подняла на дочь удивлённый взгляд.

– Ты ведь знаешь, я не хотела, чтобы в доме был чужой человек.

– Но если любишь, значит, он не чужой.

– Я никого не люблю, кроме тебя, – улыбнулась Антонина Павловна. – И вообще, зачем мне муж? У нас с тобой всё есть. Я зарабатываю больше многих мужчин.

– Но ведь люди женятся не ради денег, – настаивала Клавдия.

– По большей части именно из-за них.

– Ты до сих пор любишь отца?

Антонина Павловна чуть не поперхнулась. Это была запретная тема. По негласному соглашению, они никогда не говорили об Илье. Антонина Павловна полагала, что интеллигентная женщина не должна настраивать дочь против отца, а тёплых слов по отношению к нему у неё не было.

– Давай не будем об этом, – уклончиво сказала она.

– Почему? Почему ты никогда о нём не рассказываешь? И вы ни разу не встретились.

– Он живёт не в нашем городе. Ешь, а то остынет.

Последнюю фразу она произнесла нарочито твёрдо, чтобы Клавдия поняла, что лучше оставить эту неприятную тему.

Клавдия привыкла к тому, что мать подобным образом ставила её на место, но сегодня нежелание Антонины Павловны поговорить по душам обидело девушку. Разве могли быть у близких людей секреты, тем более о том, что касается их обеих?

– По-твоему, я недостаточно взрослая, чтобы это обсуждать? Некоторые в моём возрасте уже выходят замуж и заводят детей. До каких пор ты будешь считать меня ребёнком? – с вызовом спросила она.

Почувствовав настроение дочери, Антонина Павловна решила не накалять атмосферу и примирительно произнесла:

– Тут не о чем говорить. Обычная история. Мы разошлись, потому что не подходили друг другу. Мы совсем разные люди.

– Так же, как мы с тобой? – вдруг спросила Клавдия.

Антонина вздрогнула.

– Девочка моя, неужели ты в самом деле считаешь, что между нами нет ничего общего? Я ведь люблю тебя. Ради тебя я готова пожертвовать всем.

– Я не о том. Просто ты такая уверенная, красивая, стильная, а я уродина.

– Не говори так. Никакая ты не уродина. Просто ты ещё не раскрылась, – возразила Антонина Павловна.

– Мам, я уже вышла из переходного возраста. Лучше, чем есть, я не стану. Не нужно врать и меня успокаивать. Я же не дура и всё понимаю. Меня никто никогда не полюбит, – Клавдия, не сдержавшись, заплакала.

Антонина Павловна привлекла её к себе и обняла за плечи:

– Глупышка. Думаешь, когда парни бегают за смазливými мордашками – это любовь? У них одни глупости на уме. Ты обязательно встретишь того, кто полюбит тебя такой, какая ты есть.

– Ага. За сердце чистое и душу беззлобную, как красавица чудовище, – шмыгая носом, горько усмехнулась Клавдия.

– Ну мой зайчонок совсем раскис. Тебя кто-то обидел?

Клавдия молча помотала головой.

Она вспомнила свою недостижимую мечту – парня из автобуса. Мама могла сколько угодно утешать её тем, что ей встретится сказочный принц, но она-то знала, что всё это – ложь. Может быть, кто-то и выбивается из Золушки в принцессу, но только не она.

Антонину Павловну беспокоило настроение дочери. Судя по всему, девочка влюбилась. Конечно, когда-то это должно было случиться. Клавдии уже почти двадцать. Антонина Павловна постаралась взять себя в руки, чтобы не выказать волнения. Практичный ум услужливо подсказывал, что безответная любовь – это не смертельно. В молодости она довольно быстро проходит. Гораздо хуже, если девочку окрутит какой-нибудь сердцеед.

– Тебе кто-то нравится? – спросила Антонина Павловна.

– Нет, – помотала головой Клавдия.

– А если честно?

Клавдия вспомнила сегодняшнюю случайную встречу и вдруг призналась:

– Сегодня в автобусе один парень купил мне билет.

У Антонины упало сердце. Произошло то, чего она больше всего опасалась.

– Зачем? У тебя ведь проездной, – сухо поинтересовалась она.

– Я думала, что его потеряла.

– И чего он хотел?

– Ничего.

– Так не бывает. Он к тебе приставал?

– Ты что! Знаешь, какой он красавец! – вырвалось у Клавдии. «Вот красавцев больше всего и надо опасаться», – вздохнула Антонина Павловна, а вслух спросила:

– Вы договорились встретиться?

Клавдия помотала головой.

– Он вышел на своей остановке, а я поехала дальше, – сказала она, а про себя подумала: «Если бы он только намекнул, я бы пошла за ним хоть на край света».

Глава 4

У Наташи Полонской не было недостатка в поклонниках. Высокая, длинноногая красавица, она одевалась броско и стильно и чуть ли не каждый день меняла наряды. Многие девчонки неосознанно подражали ей, но подруг у неё не было, кроме Клавды Стасовой. Подтверждая закон притяжения противоположностей, самая красивая и самая невзрачная девчонки дружили между собой.

Наташа предпочитала общество парней. Объекты её интереса менялись чуть реже, чем наряды, но в последнее время она с удивительным постоянством встречалась с Виктором Остроумовым, признанным сердцеедом из параллельной группы. Виктор, безусловно, был самым достойным среди поклонников Наташи: симпатичный, спортивный и хорошо играет на гитаре. Их роман начался ещё в середине прошлого учебного года, пережил лето и плавно перетёк на сентябрь.

Как водится, жизнь знаменитостей всегда на виду, а в масштабах курса Наташа и Виктор были выдающимися личностями. Об их отношениях судачили, делались прогнозы и заключались пари. Мнения однокурсников резко разделились. Одни считали, что Наташа бросит Виктора, другие, что Виктор – Наташу, и только самые романтические души отстаивали, что любовь будет длиться вечно.

Клавдия не принимала участия во всенародном обсуждении. Поскольку шансов завести поклонника у неё было не больше, чем у её бабушки завоевать звание «Мисс Москва», она с искренностью, присущей щедрым натурам, переживала за Наташу. С молчаливой преданностью собаки Клавдия обожала подругу, а та в свою очередь благосклонно позволяла себя боготворить.

Прозвенел звонок, и аудитория мгновенно пришла в движение, будто джинн, вынужденный целый день сидеть в четырёх стенах, вдруг вырвался наружу. Клавдия наспех сунула тетрадь в рюкзак.

– Ключка, заскочишь на кафедру? Мне надо у Самсонова забрать список вопросов, – попросила Наташа.

– А сама чего не возьмёшь? Ты же у него в любимчиках, – удивилась Клавдия.

– Зато лаборантка, стерва, меня ненавидит. А он будет после трёх. В общем, нужно немного подождать.

«Немного» означало час. Это в лучшем случае. К тому же после трёх – понятие растяжимое. Сегодня Клавдия не планировала задерживаться после занятий. Мама записала её к стоматологу.

– Не могу. Мне к зубному надо, – извиняясь, сказала она.

Наташа обняла подругу за плечи и ласково проворковала:

– Да ладно тебе. Это ж ненадолго. Поедешь чуть позже.

– Но я пропущу свою очередь.

– Какая проблема? Если записана, тебя всё равно примут. Не будь занудой. А то у меня срочное дело.

Наташа упрашивала подругу просто для видимости. Обе понимали, что Клавдия уступит. В это время в дверях появилось Наташино «срочное дело».

– Ну ты идёшь? – спросил Виктор.

– Сейчас, – откликнулась Наташа.

Глядя на Клавдию преданным взором, она включила всё своё обаяние и умоляюще произнесла:

– Ну что тебе стоит? Один разочек.

Клавдия мысленно посчитала «разочки», когда подруга обращалась с просьбами. Из них можно было с лёгкостью составить календарный год. Тем не менее противиться Наташе было невозможно.

Говорят, женская дружба отличается от мужской и понятие «лучшая подруга» способно вмещать в себя целый спектр отношений. У Клавдии с Наташей она напоминала неравный брак. Клавдии льстило, что Наташа выбрала её в подруги. Но за оказанную честь нужно платить. Разве трудно лишний раз сбегать по поручению, взять в библиотеке для Наташи книгу или даже написать реферат. Клавдия готова была согласиться и на этот раз, но кто знает, сколько придётся прождать преподавателя. Видя, что подруга колеблется, Наташа пустила в ход последний довод:

– Хочешь, завтра вместе пойдём на День города? С ребятами из параллельной группы. В Лужниках клёвая тусовка намечается.

Против такого предложения устоять было невозможно.

– Хорошо, я схожу на кафедру, – согласилась Клавдия.

– Ты – душка! – Наташа чмокнула подругу в щёку и скрылась за дверью.

Клавдия вышла из аудитории и направилась на кафедру, и тут спохватилась, что не спросила ни про время, ни про место встречи. Она бросилась за подругой и успела перехватить её с Виктором уже у самого выхода.

Услышав оклик, Наташа оглянулась.

– Когда завтра собираемся? – запыхавшись, выдохнула Клавдия.

– Куда?

– На День города. И где? – нисколько не обижаясь на забывчивость подруги, переспросила Клавдия.

– А-а это... – замялась Наташа и, бросив быстрый взгляд на Виктора, нехотя добавила: – В одиннадцать на «Спортивной». Выход к стадиону. Только не опаздывай.

Реклама предстоящего Дня города шла и по радио и по телевизору. Вся Москва была украшена призывными плакатами. Сама Клавдия ни за что не пошла бы на гуляние. Да и что там делать одной? Совсем другое дело идти группой. Прежде Наташа не приглашала подругу в свою компанию, поэтому предстоящий поход представлялся Клавдии чудесным приключением.

Накануне вечером она перебрала свой незамысловатый гардероб, который в основном состоял из футболок, джинсов и свитеров. Видя необычный интерес дочери к нарядам, Антонина Павловна поинтересовалась:

– Куда-нибудь собираешься?

– Да, на День города. С Наташей.

Внутренний голос подсказывал Клавдии, что ребят из параллельной группы лучше не упоминать. Мама не одобрила бы такого культпохода. Ей почему-то казалось, что любое мероприятие с парнями непременно должно окончиться пьянкой и приставаниями.

– Я бы тебе не советовала. Не нравятся мне эти пивные фестивали. Там будет полно пьяных, – заметила Антонина Павловна.

– Мам, при чём тут пивной фестиваль? Это же День города.

– А спонсоры кто? И вообще... эти толпы народа.

– Вот именно. Что со мной может случиться в толпе? Туда целыми семьями приходят.

Антонина Павловна с грустью подумала, что Ключка стала взрослой. Теперь её уже не поводишь за ручку. Воспитывать дочь без мужа и при этом делать карьеру было тяжело. Антонина Павловна надеялась, что, когда девочка вырастет, будет легче. Но недаром говорят, маленькие дети – малые заботы, большие дети – большие заботы. Раньше все проблемы сво-

дились к тому, чтобы вовремя накормить, постирать, уложить спать, помочь решить задачку. А теперь каждый день для Антонины Павловны превратился в кошмар.

Она боялась, что её девочку обидят, обманут. Ей самой пришлось пройти через унижение и предательство, и она не хотела такой участи для дочери. Проще всего было запретить ей идти. Ключка, послушная девочка и останется дома. Но как долго её продержишь взаперти? Рано или поздно всё равно придётся смириться с тем, что девочка захочет личной жизни и выйдет из-под контроля.

– Ну ладно. Только осторожно, – нехотя согласилась Антонина Павловна и, посмотрев на скудный гардероб дочери, заметила: – Тебе надо бы купить что-нибудь новенькое.

Клавдия долго не могла заснуть. Она прикидывала, кто из ребят пойдёт завтра на гуляние. Надеяться на то, что в окружении Виктора найдётся чужак, который захотел бы за ней поухаживать, не приходилось. Но даже просто пойти с ними вместе было целым событием. Их компания считалась сливками курса, элитой. Многие девчонки мечтали бы удостоиться такой чести.

Нарядившись в новые джинсы и мамин пушистый свитер жемчужно-серого цвета, Клавдия загодя явилась на место встречи. Двери метро без устали изрыгали на улицу разношёрстную толпу. Площадь пестрела палаткам и лотками, торгующими свистульками, флажками, колпаками, накладными ушами, воздушными шарами и прочей мишурой.

Клавдия обошла площадь, остановилась возле газетного киоска и стала ждать. Первым пришёл друг Виктора Найк, а сразу же за ним Влад. Клавдия знала ребят по именам, хотя сама была для них безымянной девчонкой. Постеснявшись подойти к парням, она решила дожидаться Наташи. Но, с другой стороны, торчать тут и делать вид, что они незнакомы, было нелепо. Поразмыслив, Клавдия спряталась за газетной стойкой. Отсюда она хорошо видела университетскую компанию, оставаясь незаметной.

Следом за парнями появилась девушка Влада Тася. Сокурсники направились в сторону Клавдии. Она в смятении зашла за киоск. Ребята стояли так близко, что она слышала каждое слово.

– О! «Космополитен»! «Всё о сексе и немного о любви». Не хотите почитать? – спросила Тася.

– Чё ваш «Космополитен» может знать о любви? Вот «Хулиган» – это журнал. Скажи, Влад? – Найк хлопнул друга по плечу.

– Да ну. Меня не втыкает, – откликнулся немногословный Влад.

– Слушайте, а где Витёк с Наташкой? Сколько можно тут торчать? – возмутилась Тася.

– Вечно они опаздывают. Надо бы их разок проучить, – поддержал её Найк.

Клавдия с сожалением отметила, что о ней не было сказано ни слова, видимо, её не ждали. Но, с другой стороны, они ведь практически незнакомы. Для элиты курса Клавдия была безликим пятном в толчее перемены. Она утешала себя тем, что с приходом Наташи всё изменится, и всё же чувствовала себя неловко, как будто сама напросилась в компанию, где была чужой.

Наконец из метро появились Наташа с Виктором. Увидев университетских друзей, они направились к киоску. Теперь уже Клавдия не могла выйти из укрытия. Все подумали бы, что она нарочно подслушивала. Клавдия лихорадочно соображала, как выбраться из нелепого положения.

– Наконец-то. Нельзя было вовремя прийти – с укором произнесла Тася.

– Да ладно тебе. Можно подумать мы на полчаса опоздали, – отмахнулся Виктор.

– Кончай базарить. Пошли, там народ уже гудит, – прервал их Найк.

– Ещё Наташкина подружка должна прийти, – напомнил Виктор.

Сердце Клавдии радостно подпрыгнуло: вместе с ней получалось три девчонки и трое парней. Значит, о ней подумали.

– Хорошенькая? – заинтересовался Найк.

Клавдия замерла в ожидании ответа, и тут бедному сердцу пришлось со всего размаха удариться о жестокую реальность.

– Ага, мошь серая. Из Наташкиной группы, – сказал Виктор.

Клавдия почувствовала, что её симпатия к университетскому супермену резко съёжилась.

– Это белобрысая, что ли? На кой вы её вообще позвали? Вы чё, меня опустить хотели? – возмутился Найк.

– Отухни. Её не для тебя позвали, а просто так. Это Наташкина идея. Она у нас благодетельница сирых и убогих. Вот теперь и жди, когда ОНО придёт, – недовольно сказал Виктор.

– Не мороси. От тебя убудет, если она с нами пойдёт? – осадил его Наташа.

Клавдия почувствовала прилив благодарности к подруге, но, увы, ненадолго. Сегодня был день откровений. Наташа продолжала:

– Конечно, она не без занудства, но тебя же не заставляют с ней целоваться. Зато она безотказная. Рефераты ты за меня будешь писать?

– Чё, у тебя подружка умная очень? – спросил Найк.

– Да какая она умная? Будто пыльным мешком пристукнутая, – фыркнул Виктор.

– Не скажи. Это она по жизни тормозная, зато у неё можно конспекты стрелкнуть, – возразила Наташа.

Это был полный нокдаун. Унижение катком пришлось по Клавдии. Стыд окатил её жаркой волной и зажёл на щеках пожар. Раздавленная и потерянная, она стояла за киоском и мечтала исчезнуть, провалиться сквозь землю, превратиться в ничто. Впрочем, она и была ничем. Ходячее недоразумение. Конечно, она понимала, что Наташа часто использует её, но не ожидала услышать, как подруга вслух рассуждает об этом с чужими людьми.

Клавдия хотела лишь одного, чтобы ребята как можно скорее ушли. Для неё праздник закончился. Мама, как всегда, оказалась права. Не стоило строить радужных планов. Только законченная идиотка могла поверить в то, что её пригласили искренне. Она никогда не сумела бы вписаться в эту блестящую, уверенную в себе компанию и была бы среди них белой вороной.

– Ну и сколько мы её будем ждать? Может, она вообще не придёт? – подала голос Тася.

– Пойдёмте, в натуре. Если она хочет тусоваться, то пусть является вовремя. Лично мне тут торчать влом, – поддержал её Найк.

– Неудобно. Я же её позвала. И потом я хотела к ней с английским подкатить, – заколебалась Наташа.

– Неудобно на потолке спать – одеяло сползает, – усмехнулся Виктор. – Мы её конкретно ждали. Или ты собираешься тут полдня торчать?

Клавдия без всякого интереса слушала перепалку. Всё самое главное было уже сказано. До этого дня Наташа была не просто её единственной подругой, а идолом, объектом восхищения. В Наташе Клавдия находила черты, которых так не доставало ей самой. А романы и любовные терзания подружки заменяли Клавдии личную жизнь. И вот в одночасье она лишилась всего. Теперь она знала истинную цену их дружбы.

Компания направилась в сторону «Лужников». Клавдия уставилась в серый, заплёванный асфальт и побрела к входу в метро, таща за собой тяжёлый груз незаслуженной обиды. Она спустилась по эскалатору и, как сомнамбула, села в вагон.

Идти домой и объяснять, почему она вернулась так рано, не хотелось. Да и что она могла сказать? Солгать, что Наташа заболела? В нынешнем её настроении ложь вряд ли получится убедительной. А рассказывать правду и выслушивать очередную тираду на тему «Я же тебе говорила» было ещё хуже.

Мама всегда и во всём была права, но разве от этого легче? Клавдия вообще удивлялась, как у красивой, общительной, деловой женщины могла родиться такая недотёпа, как она.

Девушка посмотрела на часы. Чтобы возвращение домой выглядело убедительным, нужно было пошататься по улицам ещё часа четыре. Ей было некуда идти и некому звонить. На «Парке культуры» она вышла на пересадку.

В центре зала собралась большая группа парней и девчонок. Весёлые и шумливые, они тоже собирались на День города. У Клавдии к глазам подступили слёзы. *Почему жизнь устроена так несправедливо? Праздники всегда случаются у кого-то другого, а ей достаются только серые будни. Где же добрая фея, которая уведёт Золушку от прокопчённого очага?*

Ребята с шутками и смехом направились к выходу. Не отдавая себе отчёта, Клавдия последовала за ними и спохватилась уже, когда оказалась на улице.

Так тому и быть. Назло всем пойду одна и тоже буду веселиться. Она решительно направилась в сторону парка.

Глава 5

Казалось, весь город высыпал на гуляние. Парк запрудила пёстрая толпа, словно на Вселенский собор стеклись представители разных эпох и миров. С одной стороны доносилась игра на баяне, с другой – рок-концерт. Бабуся в русских сарафанах и кокошниках распевали частушки, а рядом выделявали пируэты парни на скейтбордах.

Все пришли на праздник компаниями или семьями. Одиночек практически не было. Клавдия неприкаянная бродила среди всеобщего веселья. Купив пакетик воздушной кукурузы, она остановилась возле фотографа со смешной обезьянкой.

– Фото на память, – зазывал фотограф и, увидев Клавдию, обратился к ней: – Девушка, не стесняйтесь. Снимитесь на память, чтобы вам запомнился сегодняшний день.

– Он мне и так запомнится, – сказала она.

Две обезьяны на одном снимке – это перебор. Клавдия не любила фотографироваться, а нынешний день она предпочла бы вычеркнуть из памяти.

Побродив по парку, она вышла на аллею, где сидели художники.

– Девушка, хотите портрет? – предложил длинноволосый парень.

– Нет, спасибо, – помотала головой Клавдия.

– Недорого. На память о сегодняшнем дне, уй о вар и вал художник.

Фраза, произнесённая за последние десять минут дважды, звучала, как горькая насмешка.

Они что, сговорились? Как будто издеваются. Когда больше всего хочется отвлечься и забыть о пережитом унижении, все только о нём и напоминают.

Слёзы, которые только и ждали повода выплеснуться наружу, покатались по щекам. Клавдия резко развернулась и, ни слова не говоря, быстрым шагом направилась прочь.

– Чего это с ней? Что я такого сказал? – недоумённо обратился парень к сидящему рядом собрату.

– Шиза, – коротко прокомментировал тот.

Оставив аллею художников далеко позади, Клавдия замедлила шаг. Ей было неловко, что она не сдержалась и повела себя так глупо. Но после сегодняшнего откровения нервы были оголены.

Она подошла к сцене летнего театра, возле которой собралась толпа зевак. Кое-как справившись с норовистым микрофоном, который то пищал, то подвывал, ведущий объявил:

– Приглашаем вас на конкурс визажистов. Наши сегодняшние участники – начинающие стилисты. Но в будущем, возможно, именно они станут создавать имидж звёзд шоу-бизнеса. На ваших глазах будет твориться индивидуальность. Не упустите свой шанс. Здесь вы можете найти свой стиль.

Реклама привлекла Клавдию. Ей было занятно посмотреть, как можно изменить данный природой облик. Она протиснулась между зрителями в первый ряд. Шесть будущих стилистов и девушки, которым предстояло обрести индивидуальность, толпились на сцене. Только один участник оказался без пары.

Парень в отчаянии вглядывался в публику, то привставая на цыпочки, то рывком бросаясь к краю сцены. Он выглядел таким растерянным и огорчённым, что Клавдия даже пожалела его. По-видимому, охотников получить индивидуальность из его рук не нашлось.

«Такой же недотёпа, как я», – подумала Клавдия.

Как ни странно, на душе у неё стало немного легче. Она не желала парню зла, но тайны человеческой психики таковы, что в одиночку страдать всегда труднее. А когда встречаешь того, кому не повезло, как и тебе, на неприятности легче махнуть рукой.

И тут незадачливый стилист увидел Клавдию. Их взгляды встретились. Мгновение они смотрели друг на друга, а потом парень прыгнул со сцены и подскочил к ней.

– Послушай, побудь моей моделью, – сказал он и, не дожидаясь её согласия, схватил за руку и потащил на сцену.

– Пусти. Не буду я никакой моделью. Я не умею, – в панике упиралась Клавдия, пытаясь высвободить руку.

– Тебе нечего уметь. Просто посидишь. Это я должен уметь, чтобы из тебя что-то получилось, – упрашивал он.

– Нет, – решительно воспротивилась Клавдия.

Ситуация была нелепой. Одна мысль о том, что она окажется на сцене под взглядами чужих людей, приводила её в ужас. А уж участвовать в конкурсе визажистов – это вообще выходило за рамки всякого здравого смысла.

Стилисты под руку повели своих помощниц за сцену, где были установлены столики со всякими принадлежностями и гримом.

– Итак, у нас шесть участников. Что же с участником под номером семь? Неужели он выбывает из конкурса ещё до начала состязания? – проговорил ведущий.

– Ну, пожалуйста. Это мой шанс. Я его так ждал. Я должен победить. Ну что тебе стоит? – взмолился парень.

Клавдии стало его жалко. Она лучше других понимала, каково быть в шкуре неудачника. К тому же она не умела отказывать, когда её просили. Девушка кивнула:

– Так и быть.

– Я тоже буду участвовать. Вот моя модель! – выкрикнул незадачливый визажист, вытаскивая Клавдию на сцену.

В публике раздались редкие хлопки. Под взглядами десятков глаз девушка чувствовала себя раздетой и готова была провалиться сквозь землю. Она кляла свою дурацкую уступчивость, из-за которой придётся терпеть позорище.

Ведущий оглядел новую пару и сказал:

– Ну что ж, надеюсь, жюри простит опоздание и разрешит седьмому номеру принять участие в конкурсе. Прошу за сцену. А пока участники колдуют над своими моделями, салон Ирины Зайцевой представит вам новые веяния моды этого сезона.

Клавдия на негнущихся ногах проследовала вместе со своим стилистом за сцену. Она сидела перед зеркалом, пунцовая от стыда, и исподлобья глядела на своё отражение.

– Расслабься, ты что, ежа проглотила? – сказал парень и начал массировать её плечи.

– Ты чего меня хватаешь? Взялся причёсывать, значит, причёсывай, – сурово сказала Клавдия, сбрасывая его руки.

– Ну ты совсем дикая. Ладно, сиди и не трепыхайся, я из тебя человека сделаю.

«Из себя бы сделал», – хотела съязвить Клавдия, но промолчала.

– В школе учишься? – спросил парень.

– Угу, – соврала Клавдия.

Её часто принимали за школьницу. Обычно это её нервировало. Но сейчас она не собиралась посвящать горе-стилиста в подробности своей биографии.

– Понятно. А зовут как?

– Шестьсот четырнадцатая, – назвала Клавдия номер бывшей школы, решив играть роль дурочки до конца.

– Очень приятно, а я, как ты уже поняла, седьмой, – представился парень.

Клавдия не удержалась и улыбнулась. Остроумие она ценила и знала, что оно встречается не так часто. Как бы там ни было, но она немного расслабилась. Теперь отступать было поздно, оставалось только ждать, что из всего этого получится.

Парень снял с Клавдии очки, с удивлением посмотрел через стёкла и спросил:

- Зачем очки носишь, у тебя ведь диоптрий мало?
- Привычка, – пожала плечами Клавдия.
- Зря. У тебя глаза красивой формы. Очки их портят.

Он убрал резинку, стягивающую волосы Клавдии в хвост и стал орудовать расчёской: то подбирал волосы наверх, то делил на пробор, то укладывал кренделем. В конце концов он слегка завил щипцами концы волос и оставил их струиться по плечам. За работой парень преобразился до неузнаваемости. В каждом жесте чувствовалась уверенность.

Стоило ему приступить к гриму и взять в руки тушь для ресниц, как Клавдия тут же запротестовала:

- Я не крашусь.
- Ты что, в пещере росла? – усмехнулся парень.
- Я к тебе в клиентки не напрашивалась. Не нравится – ищи другую.
- Слушай, будь человеком. Я же не собираюсь из тебя клоуна делать. Слегка оттеню.

Дневной макияж.

Клавдия тяжело вздохнула. Как говорится: взялся за гуж...

- Только не сильно, ладно? – предупредила она.

Не хватало ещё нарваться на кого-нибудь из знакомых с боевым раскрасом на физиономии. Хотя при таком столпотворении встреча маловероятна, но вдруг? Мало ли кто может гулять неподалёку от летнего театра? А если кто-то из университетских будет наблюдать сцену её позора? От этой мысли Клавдии стало не по себе. Тогда она точно станет всеобщим посмешищем. Все просто до колик ухочутся, если узнают, что она подалась в модели.

- Тени накладывать не надо, – попросила она.

– Ну что ты все время сопротивляешься? Для тебя же это ничего не значит. Не понравится – смоешь. А для меня этот конкурс очень важен. Я должен выиграть, – сказал парень.

Клавдия с безысходностью поняла, что, даже если по закону подлости кто-то из её знакомых наблюдает за конкурсом, отступать уже поздно. Поскольку она согласилась помочь, то выйти из игры сейчас непорядочно. И она покорила судьбе.

В течение следующих десяти минут начинающий визажист колдовал над её лицом. Время, отведённое для конкурса, подходило к концу. Седьмой номер с удовлетворением оглядел свою работу и повернул Клавдию лицом к зеркалу.

От удивления она потеряла дар речи. Отражение было знакомым и в то же время совершенно чужим. В больших глазах сквозило выражение незащитности и наивности, присущее людям, привыкшим носить очки, а потом внезапно снявшим их. Лёгкая, светлая помада подчёркивала линию губ. Густые волосы, рассыпанные по плечам, оттеняли матовую нежность кожи. Девчонка в зеркале была такой симпатичной, что Клавдия, привыкшая считать себя страшилой, отказывалась верить в то, что это её собственное отражение.

- Ну как? – спросил парень, видя, какое впечатление произвела его работа.
- Если это я, то считай, конкурс ты выиграл, – сказала Клавдия.

Собратья по цеху по-разному восприняли работу коллеги. Кто-то поздравлял, кто-то открыто завидовал. Преображение девушки было настолько поразительным, что никто не сомневался в успехе.

Ведущий попросил участников конкурса на сцену. Клавдию снова охватил страх. Выйдя из-за кулис, она вгляделась в толпу. Без очков все лица казались ей смазанными. Она могла более-менее рассмотреть лишь тех, кто стоял в первых рядах.

Клавдия не слушала ни ведущего, ни пояснения конкурсантов. Действие на сцене проходило словно мимо неё. Она скользила беспомощным взглядом по толпе и хотела лишь одного, чтобы эта пытка поскорее закончилась. Только оглашение итогов конкурса вернуло Клавдию к действительности. Решение жюри было неожиданным. Участник под номером семь не только не занял первого, но вообще призового места.

– Тут какая-то ошибка. Подожди меня, ладно? Я должен выяснить, – сказал он Клавдии и побежал за членами жюри, которые уже собрались уходить.

Клавдия стояла возле сцены, не зная, что ей делать. Вскоре седьмой номер вернулся очень расстроенным.

– Пойдём отсюда. Не хочу сейчас с нашими встречаться, – сказал он, без всяких церемоний взял Клавдию за руку и чуть ли не бегом потащил прочь.

Клавдия не сопротивлялась, покорно следуя за ним. Не известно почему, она чувствовала себя виноватой в том, что он не выиграл конкурса, как будто не оправдала его надежд.

Они протиснулись сквозь толпу, пересекли аллею и свернули в тихий уголок. Только здесь парень замедлил шаг и выпустил руку Клавдии.

– Что им не понравилось? – спросила она.

– Этого и следовало ожидать. Вечно мне не везёт, – парень махнул рукой, оставив её вопрос без ответа.

Мне тоже. Двое невезучих. По теории минус и минус дают плюс, а на практике полный облом.

– Не надо было тебе брать меня, – сказала она вслух.

– Теперь-то я и сам это вижу.

Он сокрушённо махнул рукой. Хотя Клавдия первая сказала об этом, ей стало немножко обидно. Во всяком случае, мог бы промолчать, как воспитанный человек.

– Вообще-то я не просила тащить меня на сцену, – сухо сказала девушка.

– Не обижайся. Слушай, если ты сейчас ничем не занята, пойдём в кафе. Пускай они подавятся своими наградами и местами.

Приглашение звучало не слишком романтично. Впрочем, Клавдию ещё никогда никто не приглашал в кафе. Конечно, это не настоящее свидание, но всё-таки приглашение.

– Пойдём, – согласилась она.

Кафе было стилизовано под старину. В углу стояла прялка. Бревенчатые стены украшали связки чеснока и расшитые полотенца. Из динамиков негромко звучала попсовая музыка, которая казалась здесь чужой. Все места были заняты. Ребята уже собирались уйти, когда седьмой номер углядел маленький столик в углу.

Они заказали мороженое. Интерьер располагал к отдыху, но Клавдия сидела как на иголках. В новом облике она чувствовала себя не в своей тарелке. Ей казалось, что помада размазалась, а тушь потекла. Распущенные волосы с непривычки мешали. Но больше всего её беспокоило, о чём говорить с незнакомым парнем.

– Ну что, шестьсот четырнадцатая, у тебя ещё какое-нибудь прозвище имеется? Меня, например, зовут Савва, – сказал парень.

– Серьёзно?

– Наверное, мои родители в своё время так пошутили. А что?

– Ничего. Просто у меня имя тоже из прошлого века. Клавдия, – представилась она.

– Клавдия? А что? Имя соответствует. Сначала кажется оригинально, а потом выходит – полный стандарт, – кивнул он.

– В каком смысле? – не поняла Клавдия.

– Сейчас среди девчонок ретро имена в моде. Знаешь, почему я пролетел? – неожиданно спросил он. – Мне сказали, что надо суметь в некрасивом лице подчеркнуть индивидуальность. Понимаешь, у тебя слишком стандартный тип лица.

Губы Клавдии тронула горькая усмешка.

– Понятно. Значит, индивидуальности из меня не получается.

Она уже была не рада, что согласилась идти в кафе. Наверное, такой уж выпал день, что приходится выслушивать грубости и неприятные откровения. Но Савва был так поглощён провалом на конкурсе, что не заметил своей бестактности.

– Такая невезуха, – сокрушался он. – Ведь я знаю, что могу создать имидж лучше любого из них. Ну почему мне вечно не везёт? Договорился с одной девчонкой, Анькой, что она сегодня будет моей моделью. Несколько раз её гримировал, репетировал. И на тебе – она не явилась. Выбираю тебя – не тот тип. Бывает же такое: за что ни возьмись – везде облом.

Клавдия медленно поднялась из-за стола.

– Ты куда? – спросил Савва.

– Сейчас приду, – бросила она.

Девушка скрылась в дамском туалете, а через пять минут оттуда появилось очкастое бесцветное существо, с волосами, зализанными назад и стянутыми в тугой хвост. Клавдия прошла к своему месту и села напротив ошарашенного Саввы.

– Зачем ты это сделала? – спросил он.

– Знаешь, у меня сегодня тоже был потрясный день. Началось с того, что я узнала, что моя лучшая подруга дружит со мной только из-за того, чтобы я писала за неё рефераты. Потом пожалела одного шизика и согласилась участвовать в дурацком конкурсе. Как и следовало ожидать, мне дали понять, что со свиным рылом на звание «Мисс Москва» рассчитывать не приходится. А в довершение всего меня впервые в жизни пригласили в кафе, но оказывается только за тем, чтобы объяснить, что я заурядное чучело. Так вот мороженое я доем, а все свои размышления по поводу моей внешности можешь оставить при себе.

– Ты что, обиделась? – обескураженно произнёс Савва.

– Не все же рождаются секс-бомбами. Кому-то надо и чучелом быть. Я свою внешность не выбирала, – отрезала Клавдия.

– Ты что, ничего не поняла? У тебя глаза есть?

– Кроме глаз, у меня есть уши.

– Вот глупая! Знаешь, что мне сказали в жюри? Из хорошенького личика сделать красавицу нетрудно. Они решили, что ты подстава.

– Как это?

– Ну что мы нарочно с тобой заранее сговорились. Никому же в голову не придёт, что красивая девчонка нарочно будет себя так уродовать.

– Опять насмехаешься? – вскинулась Клавдия.

– Слушай, ты серьёзно или прикидываешься? Ты себя в зеркало видела?

– Каждый день смотрюсь, когда зубы чищу.

– Ну и дура!

Они помолчали. Как ни странно, злость на парня испарилась. Клавдия размышляла надето словами. Надо признать, когда он её причесал и подкрасил, она стала довольно симпатичной, но ведь в жизни она совсем другая.

– Ты правда не считаешь меня уродиной? – спросила она.

– Кто тебе вбил в голову такую чушь? Ты очень красивая. Сама видела.

– Нет, на самом деле я не такая. Я недотёпа. Знаешь, как про меня сказал один парень? «Оно идёт». В прошлом году перед Восьмым марта я болела. Пришла как раз, когда ребята из группы поздравляли девчонок. На меня цветов не хватило. Никто не ожидал, что меня выпишут накануне праздника. Думаешь, хоть кому-то было неловко? Ничего подобного. Кто-то брякнул, что я среднего рода, поэтому в женский день меня можно не поздравлять. Всем было весело.

Клавдию точно прорвало. Так долго копившиеся огорчения вдруг выплеснулись наружу. Замкнутая и нелюдимая, она давно уже ни с кем не делилась своими бедами. Как-то раз, ещё в седьмом классе, она открылась маме, а та пошла в школу разбираться. После этого стало

ещё хуже. Учителя смотрели на Клавдию косо, а ребята начали настоящую травлю, которая продолжалась недели две. С тех пор она дала зарок держать переживания при себе.

Но откровенничать с незнакомцем, которого видишь в первый и в последний раз в жизни, оказалось удивительно легко. Клавдия почти не осознавала степени своего прямодушия, как лунатик идёт во сне по узкому карнизу, не ведая опасности. Наконец она будто очнулась от забытья и смолкла, уставившись в пол.

Клавдии вдруг стало стыдно за то, что она обнажила перед чужим человеком свои тайны и обиды. Впрочем, несмотря ни на что, стало значительно легче. Вырвавшись наружу, слова сняли с души часть тяжести. Теперь ей хотелось как можно скорее убраться с глаз этого парня.

– Так ты уже не школьница?

– Нет. В универе на втором курсе. Ну я пойду. Сколько с меня? – сказала она, доставая кошелёк.

– Оставь, я ведь тебя пригласил, – отмахнулся Савва. – И вообще, не уходи. Давай закажем вина.

– Ты что? Я не пью, – запротестовала Клавдия.

– Я тоже. Только, пожалуйста, останься. Понимаешь, то, что ты рассказала... У меня тоже постоянные обломы. И сегодняшний конкурс... И все это... В общем, давай выпьем.

Он направился к стойке бара за вином. Клавдия ждала, не понимая, зачем она согласилась. Она могла бы встать и уйти, но что-то заставило её остаться. Сегодняшний день был сплошным недоразумением. Казалось, в ней проснулась другая Клавдия, которая нарушала все установленные правила и запреты. Мало того, что она на глазах у толпы полезла на сцену, а потом пошла в кафе с незнакомым парнем, так теперь ещё собирается пить вино. Она рехнулась. Надо встать и уйти, уныло увещевал внутренний голос. Но, вопреки доводам разума, девушка продолжала сидеть.

Глава 6

Вино было несладким и слегка терпким на вкус. На мгновение мелькнула мысль, что скажет на это мама? Она с ума сойдёт, если узнает, что дочь сидит в кафе и распивает вино с незнакомым парнем. Клавдия сама себе удивлялась. Прежде она никогда не употребляла алкоголя. Всё, что с ней происходило, казалось невозможным, немыслимым, запредельным. Впрочем, весь сегодняшний день был сплошным безрассудством.

Клавдии вдруг стало легко и весело. Она тихонько рассмеялась.

– Чего ты смеешься? – спросил Савва.

Она пожала плечами.

– Так. Всё происходит как будто не со мной.

У Клавдии возникло странное ощущение, будто она выпала из окружающего мира и находится где-то в ином измерении, в ватном коконе, а пространство кафе – лишь голографическая иллюзия. Музыка и голоса людей доносились словно издалека.

– А ты где учишься? – спросила Клавдия.

– В училище. На гримёра.

– У тебя родители тоже связаны с театром?

– Нет. У нас все экономисты, но в семье не без урода. Вообще-то я не собираюсь работать в театре. Просто это хорошая школа. Я хочу открыть свой салон.

– По-моему, это интересно.

– По-моему, тоже. Слушай,ними свои дурацкие очки.

Клавдия покорно сняла очки и положила их на стол.

– А теперь распусти волосы, – попросил Савва. – Нельзя же прятать данное природой богатство.

Клавдия подчинилась. Освобождённые от резинки пряди рассыпались по плечам.

– Так гораздо лучше, – кивнул он.

– Я совсем пьяная. Наверное, я выгляжу нелепо.

– Ты выглядишь гораздо лучше, чем минуту назад. Хочешь, на тебя будут оглядываться все парни? Они будут мечтать пройти рядом с такой девушкой.

Клавдия рассмеялась. Савва был очень забавным и говорил смешные вещи, но сейчас ей это нравилось.

– Не веришь? Давай поспорим, – предложил он.

– О чём?

– Ты про Пигмалиона слышала?

Клавдия кивнула.

– Ага. Это древний скульптор. Он изваял статую, а потом влюбился в неё. И она ожила.

– Смотри-ка, ты начитанная. Но я имел в виду пьесу, как один чудака сделал из цветочницы светскую даму. Я могу сделать из тебя то же.

– Светскую даму?

– Бери круче. Станешь не хуже любой топ-модели. Это будет вроде моей дипломной работы. Ну что, по рукам?

– Хорошо, – без тени сомнения согласилась Клавдия и опять рассмеялась. Сейчас она могла поверить в любую небылицу, даже в слова Саввы.

После кафе они долго бродили по парку. Савва рассказывал театральные байки. На свежем воздухе опьянение прошло, но Клавдии по-прежнему было легко и спокойно. Она тяжело сходилась с людьми и удивлялась, что с Саввой её обычная скованность вдруг исчезла. С ним не приходилось подыскивать нужные слова и темы для разговора. Может быть, потому что

между ею и Саввой было нечто общее? Два патологических неудачника в обществе друг друга они были самими собой и не стремились казаться другими.

Вечерело, когда они спустились в метро.

– Тебе куда? – спросил Савва.

– В «Кузьминки». А тебе?

– На «Речной вокзал», – сказал Савва, заходя в вагон следом за девушкой.

– Но это ведь в другую сторону, – заметила Клавдия.

– Я тебя провожу.

– Зачем? Я бы и сама доехала.

– В общагу я всегда успею. Мне гораздо интереснее побыть с тобой лишний час.

– Ты живёшь в общежитии?

– Да, но у нас более-менее человеческие условия. Нас в комнате только двое.

– Мне кажется, я бы не смогла.

– Раньше я тоже так думал, но во всём есть свои плюсы и минусы.

Они разговаривали, пытаясь перекрыть грохот поезда. Дорога домой показалась до обидного короткой. Когда они вышли из метро, Клавдия вдруг спохватилась, что мама может увидеть её с Саввой. Зная отношение мамы к парням, лучше было держать нынешнее приключение в секрете.

– Дальше я пойду сама. Не хочу, чтобы тебя видела мама, – сказала она.

– Почему?

– Она думает, что я ходила с подружкой.

– Ну и что? Одно другого не исключает. Может, мы были все вместе.

– Ты не знаешь мою маму, – вздохнула Клавдия.

– Ладно, если не хочешь, – пожал плечами Савва. – Дай мне номер мобильного. Я тебе позвоню.

– Хорошо.

Клавдия продиктовала номер телефона. Она была не прочь увидеться с Саввой ещё раз. С ним было интересно, хотя он не подходил на роль романтического героя, во всяком случае для неё. Они были почти одного роста.

Клавдия распрощалась с новым знакомым и зашагала домой. Настроение было празднично-приподнятым. День выдался на редкость длинным и удивительным. Не верилось, что ещё сегодня утром она подслушала разговор гоп-компании, а сейчас возвращалась, можно сказать, со своего первого свидания. Девушка тихонько рассмеялась. Даже предательство подруги перестало казаться катастрофой. Клавдия была рада, что познакомилась с Саввой. Встреча с ним была чем-то необычным в её унылой, серой жизни.

Клавдия ходила в университет без особого желания, но не потому, что не любила учиться. Так случилось, что она везде была чужой, вечным изгоем. По сравнению со школой университет был просто райским местом. Здесь её хотя бы не травили открыто. Клавдия не отличалась общительностью. Робкая и замкнутая, она сторонилась ребят и всегда держалась особняком. Всё началось ещё в детстве, когда она попала на свою первую ёлку.

ЗА КУЛИСАМИ

(детский утренник в стиле ретро)

Раз, два, три, четыре, пять,

Будем мы с тобой играть.

Я охотник, зайчик ты.

Помни: правила просты —

И во взрослых играх этих

В вечном проигрыше дети.

- Мама, а когда мы пойдём на ёлку?
- Уже скоро.
- Когда скоро?
- Завтра.
- Завтра, это когда мы один раз поспим? Или поспим и ещё раз поспим? – настаивала четырёхлетняя Ключка.
- Сегодня ты ляжешь спать, а с утра мы пойдём на ёлку.
- Во дворец?
- Во Дворец культуры.
- А другие дети тоже будут зайчиками?
- Будут и зайчики, и мишки, и котята.

Ёлку устраивали во Дворце культуры от маминой работы. Мама специально для утренника купила дочери костюм зайчика. Клавдия не могла дождаться, когда же наконец пойдёт на праздник. Ей не терпелось посмотреть на настоящий дворец. Каково же было её разочарование, когда снаружи он оказался похожим на обычный дом! Но, переступив порог, Клавдия решила, что, может быть, она всё-таки попала во дворец.

Стены вестибюля украшали яркие, блестящие гирлянды, пол был усыпан кружочками конфетти. Звучала громкая музыка, всё было сверкающим и пёстрым. Клавдию пугало скопление незнакомого народа. Она очень боялась потеряться и, пока мама сдавала пальто, стояла, вцепившись в её юбку.

В фойе царило необычайное оживление. Дети с визгом катались с деревянной горки, водили вокруг ёлки хоровод, пели, плясали. Взрывались хлопушки, гремела музыка, мелькали маски, сыпалось конфетти. Мама пыталась уговорить Клавдию поиграть с детьми, но та только крепче вцеплялась ей в подол.

– Ну что, никак от юбки не оторвёшь? – глядя на Клавдию, сказала мамина коллега. – А моя всюю отплясывает.

Маме было неловко за дочь. В это время Дед Мороз объявил конкурс на лучшее выступление, и дети потянулись петь и рассказывать стихи.

– Пойди расскажи стишок, мы ведь учили, – уговаривала мама Ключку, подталкивая к большой ёлке в центре фойе.

Девочка посмотрела на собравшуюся вокруг Деда Мороза ватагу ребят и помотала головой. Ей было страшно потерять маму. Она не понимала, отчего та сердится. Мама упрашивала, обещала купить новую игрушку, грозила наказать – всё напрасно. Наконец мама строго сказала:

– Если ты не расскажешь стихотворение, значит, ты не любишь меня, и я тоже никогда не буду тебя любить.

От этих слов Клавдия испугалась ещё больше. Она прижалась к маме, изо всей силы обняла её и сквозь слёзы прошептала:

- Нет, мамочка. Я тебя очень-очень люблю.
- Тогда расскажи.

Мама взяла её за руку и, протискиваясь сквозь толпу, потащила к ёлке, где в окружении детворы стоял Дед Мороз и Снегурочка. В душе у Клавдии всё холодело от страха, но она должна была доказать, что любит маму.

Наконец она оказалась лицом к лицу с Дедом Морозом.

– Вот Клавочка хочет рассказать стихотворение, – сказала мама Деду Морозу и отошла в сторону.

Теперь Клавдия стояла одна среди незнакомых детей. Все смотрели на неё и ждали, а она молчала, потому что вдруг забыла первую строчку.

– Она не знает, – крикнул какой-то мальчишка, и все засмеялись. А Клавдия подумала, что теперь мама точно разлюбит её, и горько заплакала, растирая кулаками слёзы по щекам.

А потом мама увела её с ёлки. Всю дорогу домой мама была очень сердитой и говорила, что ей стыдно за то, как Клавдия вела себя и что она самая плохая девочка. Она даже называла её не по-домашнему Ключкой, а строгим и непривычным именем Клавдия. И Ключка решила, что, наверное, случилось самое худшее – мама разлюбила её. Она не понимала, почему Дед Мороз хотел послушать непременно её стихотворение, ведь на празднике было много других ребят.

С тех пор у Клавдии остался страх перед толпой. Она не любила шумных сборищ и избегала их, робела, когда приходилось выступать с кафедры, и терялась, как бы хорошо ни знала материал. Она предпочитала письменные работы устным ответам. Тогда можно было сосредоточиться и не думать о других.

После Дня города Клавдия шла в университет с особой неохотой. Она не знала, как вести себя с Наташей. Разговор с подругой предстоял нелёгкий. Они столкнулись в раздевалке.

– Привет. Ты чего вчера не пришла? – как ни в чём не бывало спросила Наташа.

Клавдия так растерялась, что сумела только пролепетать:

– Не смогла.

– Хотя бы позвонила, а то мы тебя ждали целый час, – с осуждением произнесла Наташа.

Это было ложью. Они ждали от силы пять минут, в течение которых Клавдия узнала много интересного про их с Наташей дружбу. Она собиралась уличить подругу в обмане, но для этого пришлось бы признаться, что она невольно подслушала разговор, поэтому Клавдия промолчала.

– Жалко, что ты не пошла. Было клёво. Оттянулись по полной, – продолжала Наташа.

– Мне показалось, что Витя против того, чтобы я с вами ходила.

– С чего ты взяла?

– Так, – пожала плечами Клавдия.

– Ерунда. Не обращай внимания. Пусть только попробует на тебя наехать. Парней много, на нём свет клином не сошёлся, а подружка одна, единственная. Ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь, – улыбнулась Наташа.

К сожалению, знаю. Клавдия поражалась, насколько искренне звучала ложь в устах подруги.

Наташа продолжала:

– Сегодня я в полном ауте. Ключечка, выручи. Дай списать английский, а то англичанка на меня и так зуб точит.

Наташа смотрела преданными глазами, в которых не было ни тени притворства. Клавдия не предполагала, что можно так искусно лгать. Она молча достала тетрадку и протянула подруге.

– Ты – душка, – привычно прощепетала Наташа и упорхнула переписывать упражнение.

Клавдия кляла себя за то, что, как всегда, не нашлась в нужный момент и не высказала Наташе всё, что думает. Но, в конце концов, может быть, так даже лучше. Она не любила ссор. Ей не хотелось нарываться на скандал с Наташей и тем более делать его достоянием всей группы. Пусть внешне всё останется, как прежде.

Глава 7

Из чрева рюкзака донёлся телефонный звонок. Клавдия раздражённо порылась в сумке и достала мобильник. Когда она была маленькой, мама по несколько раз на день звонила удостовериться, что всё в порядке. С тех пор этот обычай вошёл в привычку. Когда-то Клавдия с нетерпением ждала этих звонков. По мере того как она выросла, искусственная пуповина, связывающая её с матерью, становилась ненужной. В последнее время Клавдию стала раздражать навязчивая опека.

– Да, – не слишком приветливо произнесла она в трубку.

– Привет! Это я.

Клавдия почувствовала, как кровь бросилась в голову. Звонил Савва. Только теперь она поняла, что, не отдавая себе отчёта, ждала его звонка. Она так разволновалась, что не сразу нашлась, что сказать. Впервые ей звонил парень. Конечно, Савва не был принцем её мечты, и всё же в жизни начинался какой-то новый этап.

– Привет, – с некоторой заминкой произнесла Клавдия и в растерянности замолчала.

– Я тебя от чего-то оторвал? – спросил Савва.

– Нет-нет, – поспешно сказала она.

Позавчера, когда они сидели в кафе и гуляли по парку, общаться с ним было легко. Темы для разговора находились сами собой. Возможно, причиной тому был бокал вина, а может, атмосфера царящего вокруг праздника. Но сегодня многое изменилось. Их разделяли улицы, дома, люди со своими проблемами и судьбами – целая стена, которая снова сделала простое общение невозможным.

– Ну что, готова работать? – неожиданно спросил Савва.

– Как? – не поняла Клавдия.

– Не как, а над чем. Над имиджем своим работать готова? – переспросил он.

– Ты это серьёзно?

– А ты думала, я шучу? Напрасно. У меня же с чувством юмора напряг. Так что, если ты не очень занята, собирайся, и приступим.

– Что для этого нужно? – спросила Клавдия.

Она и не заметила, как стена исчезла и ей снова было с ним легко.

– Только твоё желание. Можешь через час подъехать на «Октябрьскую»?

– Могу. А куда пойдём?

– В Центральный дом художников на выставку истории французской фотографии.

– Я думала, ты собираешься менять мой имидж, – усмехнулась Клавдия.

– Именно это я и собираюсь делать. Так что, идёшь?

– Да, – согласилась она, прежде чем вспомнила, что надо предупредить маму. Та очень удивится, если, придя с работы, не застанет дочери дома. Клавдия была завзятой домоседкой. Впрочем, маме можно позвонить.

Нажав кнопку отбоя, Клавдия ещё некоторое время сжимала телефон в руках. Кто бы мог подумать: она идёт с парнем на выставку. Конечно, это не настоящее свидание, но всё же и не экскурсия с мамой и её подругами.

Клавдия посмотрела на часы. Скоро у мамы должен быть перерыв между лекциями. Словно в ответ на её мысли, зазвонил телефон.

– Ключка, как ты там? – раздался знакомый голос.

– Ма, я как раз хотела тебе звонить. Я собираюсь на выставку французской фотографии.

– Вот как? С каких пор ты интересуешься фотографией? – удивилась Антонина Павловна.

– Мы с Наташей идём, – солгала Клавдия, и сама удивилась тому, как легко ложь слетела с языка.

– Хорошо. Когда вернёшься домой, позвони. У нас двое преподавателей заболели, и мне придётся их подменить, так что буду не раньше десяти. У меня вечерники, – предупредила она.

– Не волнуйся. Ничего со мной не случится.

Клавдии было неловко, что она обманула маму, но, с другой стороны, она ведь не на свидание идёт. Если мама узнает, что она собирается на выставку вдвоём с парнем, то вообразит невесть что. Она же не видела Савву.

Клавдия влезла в мешковатые джинсы, натянула кроссовки, и тут её взгляд случайно упал на зеркало. Она вспомнила, как Савва попросил её снять очки и распустить волосы. Несколько мгновений она колебалась, а потом оставила всё, как есть. Так она чувствовала себя гораздо увереннее.

Клавдия не слишком верила в то, что Савва собирается сделать из неё фотомоделю. Сказка о Золушке годилась для кино. В реальной жизни разыгрывались другие, куда более прозаичные сюжеты.

Всю дорогу Клавдия раздумывала: снять очки или нет. С одной стороны, ей хотелось угодить Савве, а с другой – показать, что ей безразлично, что он о ней думает. *Конечно, он снова станет пенять на то, что она делает из себя чучело. Если скажет хоть слово, нужно развернуться и уйти. Она себя не на помойке нашла.*

Когда Клавдия добралась до «Октябрьской», она была, словно ёж, готовый при малейшем прикосновении свернуться в клубок и выставить иголки, но Савва её удивил. Он не подал виду, что ему не нравится её зализанная причёска и старомодные очки.

– Привет! Ты точная, как часы, – радостно сказал он.

Клавдия смущённо улыбнулась в ответ. Все заготовленные слова оказались ненужными. Решимость поставить Савву на место сменилась лёгким разочарованием, что все обещания насчёт создания имиджа оказались простым трёпом.

– Ты увлекаешься фотографией? – спросил Савва.

– Нет.

Савва сделал вид, что не замечает её скованности. В этой девчонке было слишком много комплексов. Прежде чем удастся создать из неё что-нибудь приемлемое, нужно, чтобы она открылась, стала более доверчивой. Савва почувствовал азарт, как скульптор перед бесформенным куском глины, из которого собирался вылепить шедевр. Он продолжал:

– Напрасно. Фотография – увлекательная штука. Кстати, у меня неплохой фотоаппарат. Как-нибудь сходим, пофоткаем вместе. Тебе понравится.

Клавдии польстило, что он собирается и дальше встречаться с ней. Они подошли к Центральному дому художников. На газоне перед зданием стояли полуабстрактные, но довольно занятные скульптуры. Клавдия с интересом огляделась. Она была здесь только один раз очень давно. Они с мамой ходили на выставку кукол.

Клавдия хотела заплатить за себя, но Савва не позволил и сам взял билеты. Он уверенно провел её мимо живописных бутиков, где можно было купить всё, начиная от картин и кончая изделиями народных промыслов, к широкой лестнице, ведущей на второй этаж.

Лабиринт ширм разделял просторное помещение на небольшие, уютные зальчики. Народу было немного. Ценители фотографии разглядывали снимки, развешанные по стенам в аккуратных рамках. Первая экспозиция представляла фото начала прошлого века. Посреди зала стоял древний фотоаппарат на деревянном треножнике. Из-под чёрной накидки с любопытством выглядывало фиолетовое око объектива, похожее на глаз хамелеона.

Старинные снимки на толстом картоне, в углу которых красовался вензель с названием ателье, производили странное впечатление.

Всех этих мужчин с тросточками и дам с раскрытыми кружевными зонтами давно уже не было в живых. А в тот далёкий миг, когда их запечатлел фотограф, они ещё строили планы, переживали и радовались, ссорились и мирились. Особенно популярны были семейные портреты, где всё семейство, включая толстощёких карапузов на коленях у чадолюбивых родителей, усердно паялось в объектив. Позы и выражения лиц так часто повторялись, что Клавдия скоро потеряла к фотографиям интерес.

Видя, что она заскучала, Савва увлёк её дальше:

– Здесь есть потрясающие чёрно-белые снимки. Настоящее искусство. Знаешь, мне вообще кажется, что с приходом цветной фотографии ушла её изысканность.

– А мне нравятся яркие снимки. В жизни и так много серого, – сказала Клавдия.

– А чего же ты тогда выражаешься в серое? – спросил Савва.

– Это практично, – отрезала Клавдия, дав понять, что не желает обсуждать эту тему.

– Понял. Проехали. Не хочешь чёрно-белые, пойдём посмотреть на модерн, – предложил Савва.

Миновав несколько залов, они вошли туда, где были развешаны работы современных фотографов.

– Что тебе больше всего нравится? – спросил Савва.

Клавдия осмотрелась. Здесь фотографии представляли, скорее, как художники, каждый со своим видением мира. Вот узкая улочка какого-то южного городка. От окна к противоположному балкону протянулись бельевые верёвки. На переднем плане развеваются на ветру, словно флаг повседневного быта, белые кальсоны. А вот бушующая красками картина стадиона, лица болельщиков расписаны под триколор французского стяга. А рядом райский уголок: изумрудная зелень и струящийся меж камней ручеёк, такой прозрачный, что в нём видна мелкая рыбёшка.

Клавдия показала на него.

– Вот.

И тут её внимание привлекла соседняя фотография. Снимок обращал на себя внимание не яркостью и живописностью, а непонятностью. То ли решётка, то ли оконный переплёт. Молочно-белые квадраты в чёрной раме. А на них будто застывшие капли. Приглядевшись, Клавдия поняла, что это ступни.

– Что это? Ноги?

– Да. Пол из матового стекла. Вид снизу, – сказал Савва.

Теперь, когда смысл снимка открылся, он завораживал ещё больше. В нём таилась загадка.

– Пожалуй, эта фотография – самая интересная, – уверенно произнесла Клавдия.

– Что и требовалось доказать. Чёрно-белое видение мира. В искусстве это придаёт остроту. Ты не безнадёжна.

– Спасибо на добром слове. Ты что, позвал меня сюда, чтобы протестировать мой интеллект? Согласна, я дура, а ты о-очень умный.

– Не обижайся. Вообще-то я собирался показать тебе нечто другое.

Савва взял её за руку и повлёк назад. Они остановились перед чёрно-белым женским портретом. В снимке не было ничего примечательного, как, впрочем, и в самой женщине. Невыразительная внешность. Таких фотографий можно найти сотни в каждом семейном альбоме.

Клавдия пожала плечами.

– Ну и что? Если это очередная проверка, считай, что я её не выдержала. Я не понимаю, чему тут нравиться. Обычный снимок.

– А женщина? Тебе она нравится?

Девушка придиричиво оглядела портрет.

– Так себе.

– Между тем это знаменитая Коко Шанель. Женщина, от которой мужчины сходили с ума.

Клавдия посмотрела на фотографию с куда большим интересом.

– Это и есть Коко Шанель? Такая... – Клавдия не сразу нашла подходящее слово, – ... никакая. Что в ней все находили?

– Шарм и внутреннюю уверенность, что она красавица. Внешность – ничто. Важно, как ты себя ощущаешь. До тех пор пока ты считаешь себя пугалом, все будут о тебе того же мнения. Усекла?

– По-твоему, если я решу, что я неотразима, все прямо обалдеют от моей красоты? У людей что, зрение упадёт?

– А ты попробуй и увидишь.

– У меня со зрением всё в порядке. И с головой тоже.

– А по-моему, нет. Ты сплошной клубок комплексов. Тебе от них надо избавляться.

– Это как? Свободная любовь, что ли? – язвительно сказала Клавдия, вспомнив мамины уроки и рассуждения, что всем парням нужно только одно – затащить девчонку в постель. Теперь понятно, для чего умные рассуждения об имидже и приглашение на выставку. Да ещё и за билет заплатил. Щедрый какой!

– Решил, что такая, как я, будет рада отдаться любому? Что на меня никто не позарится, артачиться не буду?

– Ты что? Я же совсем не об этом, – опешил Савва.

– Знаю я, как не об этом. Что ты мне этой Шанелью тычешь? Она развратная.

Губы у Клавдии задрожали. На глаза навернулись слёзы. Она хотела убежать, но, неловко повернувшись, потеряла равновесие и ударилась лбом о стену, едва не сбив висевшую там фотографию. От собственной неловкости, боли и унижения она в бессилии опустила на пол и, не сдерживая слёз, зарыдала. Савва присел рядом.

– Выслушай меня, пожалуйста. Я не думал ничего такого. Честно. Если хочешь, я никогда даже пальцем тебя не коснусь. Кто вбил тебе в голову всю эту чушь? Ты классная девчонка. Я просто хочу, чтобы ты сама это поняла. Почему ты мне не веришь?

Он все говорил и говорил. Его голос действовал на Клавдию успокаивающе. Обида и злость мало-помалу отступили. Савва обнял её за плечи и, утешая, гладил по волосам, совсем как это делала мама. Клавдия не находила в этом жесте ничего предосудительного. Она тихонько всхлипнула и затихла. Ей так хотелось верить в сладкую ложь, будто он может сделать из неё принцессу.

Внезапно Клавдия опомнилась, что они в зале не одни. В пору было провалиться от стыда. Она поспешно встала.

– Пойдем отсюда.

Они почти бегом покинули выставку. Клавдия остановилась, только когда Дом художников остался позади. Достав бумажный платочек, она шумно высморкалась.

– Ты думаешь, я дура?

– Угу. При стольких недостатках должно же у тебя быть хоть одно достоинство, – улыбнулся Савва.

– Как это? – не поняла Клавдия.

– Ну даже классики говорили, что ум в женщине – это недостаток. Соответственно глупость...

– Так, по-твоему, я дура? – с вызовом спросила Клавдия.

– Ну вот, опять не в точку. Я же тупой, намёков не понимаю. Замётано: ты умная, – улыбнулся Савва.

Он был забавный. Клавдия застенчиво улыбнулась:

– Я дура. Прости. Не знаю, что на меня нашло.

– Всё в порядке. На самом деле это нормально. Просто ты всю жизнь жила, как будто в скорлупе. Она так приросла к тебе, что стала панцирем, второй кожей. А теперь её надо сломать, чтобы наружу выпита ты настоящая.

– Я и есть настоящая.

– Нет, ты играешь не свою роль. Помнишь, как у Шекспира: «Надень личину, и личина прирастёт». Так вот на тебя надели не твою личину. Я просто хочу снять маску.

– Ты красиво говоришь. Но это всего лишь слова.

– Вначале было слово. И потом Шекспир – это же гениально! «Надень личину, и личина прирастёт». А что, если сделать наоборот? Ты когда-нибудь мечтала стать актрисой?

Клавдия покраснела, как будто её застали за чем-то постыдным. В детстве она иногда представляла себя артисткой, хотя при её внешности мечтать об этом было смешно. Савва сделал вид, что не заметил её смущения.

– С сегодняшнего дня попробуй играть роль очень симпатичной девчонки. А я буду твоим стилистом. Идёт?

Идиотское предложение. Не хватало стать всеобщим посмешищем. Она помотала головой:

– В универе меня засмеют.

– Ну если хочешь, можешь для всех оставаться прежней. А мы с тобой будем играть в театр. Согласна?

Она на мгновение задумалась. Что она теряет? В мегаполисе маловероятно встретить кого-нибудь из знакомых.

– Не знаю. Может быть, – неопределённо сказала она.

Глава 8

– Я очень красивая. Я отлично выгляжу. У меня всё получается. Я знаю себе цену. Все в восторге от меня.

Почти месяц Клавдия, как заклинание, твердила эти фразы. Не то чтобы она верила, что превратится из гадкого утенка в лебедя. Она трезво смотрела на вещи и скептически относилась к энтузиазму Саввы сделать из неё нечто симпатичное. Скорее, это было игрой, в которой каждый исполнял свою роль. Савва вообразил себя психологом, а она ему подыгрывала: каждый день по пять минут улыбалась своему отражению, а когда мамы не было дома, несла чушь про собственную неотразимость.

Поначалу Клавдия чувствовала себя полной идиоткой. Если бы кто услышал, как она себя нахваливает, в пору было сгореть со стыда. Постепенно чувство неловкости ушло, и она стала замечать, что утренний ритуал поднимает настроение. Правда, красавицей она себя так и не ощутила, но, произнося заученные фразы, она думала о Савве, и ей было приятно осознавать, что она хоть кому-то нравится.

Клавдия держала знакомство с Саввой в секрете. Мама не одобрила бы их дружбы. Она слишком болезненно относилась к парням. В отношениях с Саввой не было ничего предосудительного, но для маминого спокойствия Клавдия решила скрыть, что у неё появился друг. Это было не трудно. Антонина Павловна была заведующей кафедрой, читала лекции на дневном и вечернем отделениях, готовила абитуриентов к поступлению и проводила дома гораздо меньше времени, чем на работе.

Больше откровенничать было не с кем, хотя с Наташей они по-прежнему считались подругами. Наташа даже не заметила, что между ними пробежала чёрная кошка. Она была так занята собой, что не обращала внимания на чувства вассалов. Клавдия удивлялась своей слепоте. Только теперь она осознала, что их дружба существовала лишь в её воображении. Прежде разрыв с Наташей стал бы настоящей трагедией, но Савва сделал его безболезненным.

Они перезванивались каждый день и несколько раз встречались. Савва водил Клавдию то на выставки, то в театр, то на книжный развал, то просто по тихим улочкам в самом центре города. Клавдия не предполагала, что в сердце Москвы есть островки покоя. Без толпы город выглядел совершенно иначе. Каждое здание представало, как уникальное, хранящее свою историю. Савва рассказывал об архитекторах, стилях, судьбе прежних владельцев московских особняков. Он был ходячей энциклопедией интересных фактов.

Иногда Клавдия жалела, что Савва невысокого роста. Впрочем, для дружбы это не имело значения, а романтических чувств она не испытывала. Клавдия ещё помнила парня из автобуса. Может быть, потрясение, которое она испытала, увидев его, и называлось любовью с первого взгляда.

При встречах с Саввой она по-прежнему стягивала волосы в хвост и носила очки, но он будто не замечал этого. Клавдия подозревала, что обещание сделать из неё топ-модель всего лишь уловка, чтобы начать встречаться. Впрочем, она была не против. Её, как магнитом тянуло к Савве. Дело было даже не в его эрудиции. Только с ним она чувствовала себя остроумной и раскованной. Только с ним покидала броню, которой окружила себя с детства.

В пятницу Савва обещал показать ей Воробьёвы горы. В школьные годы Клавдия бывала там не раз. Их класс часто возили во Дворец детского творчества на Недельку детской книги и другие праздники. Но Савва считал, что города не увидишь, если ходишь в табуне.

Три дня Клавдия жила предвкушением этой поездки, но с утра стало ясно, что день для прогулки выдался не самый удачный. По закону подлости с ночи задождило. К полудню дождь прекратился, но тучи волглой полстью укрывали небо. Сквозь серую толщу не проглядывало ни единого голубого лоскутка. В воздухе висела водяная взвесь. Было сыро и промозгло.

Прежде в такую погоду Клавдию на аркане было не вытянуть на улицу, а сейчас она не могла дожидаться окончания занятий, чтобы хоть в дождь, хоть в слякоть встретиться с Саввой. Что с ней такое произошло? Ведь не влюбилась же она, в самом деле! Нет, на этот счёт мама могла спать спокойно. Клавдия совсем по-иному представляла себе любовь.

Из тёмного окна вагона метро на девушку смотрело её отражение, похожее на негатив. Клавдия вспомнила фото знаменитой Коко Шанель. Ничего особенного, а считалась чуть ли не идеалом красоты.

Повинуясь неожиданному порыву, девушка расстегнула заколку. Густые волосы рассыпались по плечам. Она сняла очки и спрятала в карман.

Без них лица пассажиров казались слегка размытыми, как и отражение в стекле.

«Почти красавица. Все в восторге от меня», – с иронией подумала Клавдия.

Однако пик уверенности уже прошёл. В душу закралось сомнение. *Может, не стоит ничего менять? Савва наверняка забыл, что собирался заниматься её имиджем. Ещё подумает, будто она намекает на его обещание.* Рука безотчётно нащупала в кармане очки. Если бы Клавдии пришлось проехать ещё остановку, привычка одержала бы верх. Но поезд вырвался из тоннеля, двери вагона открылись и монотонный голос объявил: «Воробьёвы горы».

В отличие от подземных станций, эта казалась полной воздуха и света. Стеклопакеты создавали ощущение простора. Здесь никогда не было многолюдно. Вот и теперь всего несколько человек вышли из поезда. Клавдия беспомощно огляделась и полезла за очками.

– Тебя сегодня не узнать, – услышала она голос Саввы.

Клавдия ступешалась, поспешно достала очки и собиралась водрузить их на нос, но Савва её остановил:

– Э-э-э, нет. Постой. Я всё же чудом умудрился тебя узнать по твоему прикиду. Его ни с чем не спутаешь.

– Чем тебе не нравится мой прикид? – вскинулась Клавдия. Она не собиралась выслушивать его критику.

– А тебе он нравится? – вопросом на вопрос ответил Савва.

– Он практичный, – холодно сказала Клавдия.

– О мир людей, погрязших в прагматизме! Есть ли в нём место красоте? – с пафосом воскликнул он.

– Не паясничай.

Через стёкла было видно, что дождь разошёлся не на шутку. Погода явно не подходила для осмотра панорамы города.

– Кажется, наша экскурсия накрылась медным тазом, – вздохнула Клавдия.

– Да-а, ситуация. Ты без зонта?

– Я его редко беру. Мама говорит, у меня особый дар терять зонты.

– У меня тоже, поэтому я зонтом так и не обзавёлся. Пустая трата денег. Что будем делать?

– Не знаю, – Клавдия пожала плечами. Как всегда, не везёт.

– Зачем так печально? Нужно во всём видеть хорошее, – улыбнулся Савва.

– Ну да. Гуляние обломилось, зато в метро покатаюсь. Когда бы я ещё проехала по этой ветке? – с сарказмом произнесла девушка.

– Эврика! Ты гений! – воскликнул Савва. – Поедем на экскурсию по метро.

– Шутить? – усмехнулась Клавдия.

– Я серьёзен, как никогда. Разве ты не слышала, что московское метро самое красивое в мире? Поедем, я тебе его покажу.

– Я его вижу по два раза на день. И надо сказать, это довольно сомнительное удовольствие.

– Ты видишь не метро. Ты видишь толпу. А метро – это поэзия. Это – сказка.

– Ненормальный, – покачала головой Клавдия.

– Нормальность – понятие относительное, как и всё в этом мире.

Савва потянул её к подошедшему поезду.

– И куда мы отправимся? – без энтузиазма поинтересовалась Клавдия, всё ещё считая затею Саввы нелепой.

– В бесконечность. Иными словами – по Кольцу.

Они доехали до «Киевской». Савва сделал картинный жест рукой и, подражая экскурсоводам, сказал:

– Эта великолепная станция прославляет дружбу русского и украинского народов. Обратите внимание на мозаичные панно. – Внезапно Савва отбросил пафосный тон и озорно улыбнулся: – Ты их когда-нибудь разглядывала?

– Так, мимоходом.

– А ты остановись и посмотри. Представь, сколько времени и труда понадобилось, чтобы из кусочков смальты сложить эти картины. От безразличия творчество умирает. Хотя бы кто-то хоть изредка должен оценить мастерство художника. Иначе все станции можно облицевать одинаковой плиткой, как общественные туалеты. Практично, но уныло.

Клавдия приняла последнюю реплику на свой счёт. *Мало того, что сняла очки и распустила волосы, теперь ещё и гардероб поменяй!* «Практично, но уныло».

– Ты намекаешь на мой прикид? – с обидой в голосе спросила она.

– Ни на что я не намекаю. Расслабься. Перестань искать подвох в каждом слове. Хочешь прикол?

Клавдия молча пожала плечами, всё ещё не зная, то ли дуться, то ли она и впрямь ведёт себя глупо.

Савва подвёл её к большому мозаичному панно и объявил:

– Вот. «Борьба за Советскую власть на Украине».

– Ну и что? – не поняла Клавдия.

– Не видишь ничего прикольного? Смотри, какой красноармеец продвинутый.

Савва указал на солдата с рацией. Создавалось впечатление, что перед тем ноутбук, а в руках боец держит мобильный телефон.

Клавдия улыбнулась.

– В самом деле, прикол. Как будто мобильник. Никогда бы не заметила.

– Мы много чего не замечаем. Как насчёт доисторических животных?

– В каком смысле?

– В самом прямом. Метро ими просто кишит. Если не ошибаюсь, в метро около тридцати станций, где они встречаются, – объявил Савва.

– Опять прикол?

– На этот раз всё по-честному. Едем дальше по Кольцу.

Клавдия гадала, что же имел в виду Савва, но он только загадочно улыбался.

«Краснопресненская» с колоннадой из тёмно-красного мрамора выглядела помпезно. Савва, ни слова не говоря, одну за другой осматривал колонны.

– Думаешь, за ними прячутся доисторические животные? – подтрунила Клавдия, следуя за ним по пятам.

– Смотри глубже. Внутри них. Кстати, вот и он! Отличный экземпляр. Раковина моллюска, который жил за много веков до нашей эры.

Белые прожилки на красном мраморе и впрямь походили на раковину, но это могло быть простым совпадением.

– По-моему, у тебя разыгралось воображение, как с ноутбуком у красноармейца, – улыбнулась Клавдия.

– Не веришь? Поехали, я тебе ещё покажу.

Они заскочили в подошедший поезд, доехали до «Белорусской» и на эскалаторе поднялись в вестибюль. Савва направился к турникетам.

– Мы выходим? – удивилась Клавдия.

– Нет. Просто здесь есть любопытный экспонат.

Клавдия сама увидела на мраморной стене закрученную в спираль раковину. Она чётко выделялась на красноватом фоне. Это не было рисунком или творением человеческих рук.

– Теперь веришь? – спросил Савва. – Раковина аммонита в разрезе.

Савва всё больше удивлял Клавдию.

– Откуда ты всё знаешь? – спросила девушка.

– Один друг увлекается палеонтологией. Он мне показал несколько экземпляров, а потом я стал сам искать. Иной раз занятно, особенно когда кого-то ждёшь в метро.

Клавдию кольнула ревность. Прежде она не задумывалась, что у Саввы может быть личная жизнь: друзья или девушка, которую он ждёт в метро. Инстинкт собственницы уже пустил в ней корни. Ей не хотелось делить Савву ни с кем.

– И многим ты показывал этих моллюсков? осторожно спросила Клавдия.

– Только тебе. Не поверишь, но обычно я не играю роли массовика-затейника. С тобой я вообще становлюсь другим.

«Я тоже», – подумала Клавдия, но промолчала.

Поиск следов ископаемых превратился в увлекательную игру. Они выходили на каждой станции и всюду находили навечно вмурованных в мрамор аммонитов, наутилусов, морских ежей и брюхоногих моллюсков. Савва сыпал названиями и рассказывал, как были устроены эти древние обитатели планеты. Наконец они пресытились этой забавой.

– Я не думала, что экскурсия по метро может быть такой интересной, – искренне сказала Клавдия.

– Ты ещё не знаешь, что я приберёг напоследок, – загадочно улыбнулся Савва. – На «Площади Революции» часто бываешь?

– Нет, а что?

– Тогда я покажу тебе место, которое обязан знать каждый студент.

Станцию украшали бронзовые фигуры советских героев. Воины с суровыми лицами, точно при выполнении боевого задания, притаились в арках-нишах. Савва мимоходом показал на красноармейца с револьвером:

– У этого бойца всё время револьвер воруют.

– Зачем? Боятся, что выстрелит? – усмехнулась Клавдия.

– Не знаю. Но три-четыре раза в год его обезоруживают. Не успеют приклепать новый, как его утаскивают.

Они подошли к пограничнику с собакой. Статую покрывала патина. Только нос пса был начищен до блеска.

– Рекомендую. Место паломничества студентов. Если хочешь успешно сдать экзамен, нужно потереть собачий нос, – сообщил Савва.

– И кто это придумал? – поинтересовалась Клавдия.

– Народное поверье. Говорят, помогает.

Путешествуя под землёй, они не заметили, как наступил вечер. Савва проводил Клавдию до «Кузьминок». По негласному правилу, от метро она шла одна.

По дороге домой Клавдия в который раз благодарила судьбу за то, что познакомилась с Саввой. С ним каждая встреча становилась праздником. Кто ещё сумел бы превратить катание в метро в приключение?

Уже возле самого дома Клавдия спохватилась, что идёт с распущенными волосами. Она поспешно собрала их в хвост. Лучше, если для всех она останется прежней. Только для Саввы она будет чуточку другой.

Глава 9

Покажи мне свой дом, и я узнаю, кто ты. Дом не лжёт. Он хранит привычки своего хозяина и может правдивее, чем кто бы то ни был, рассказать о его характере.

Комната Клавдии была отделана со вкусом, в едином стиле со всей квартирой, но при этом выглядела нежилой, как рекламная экспозиция в мебельном магазине. Антонина Павловна предусмотрела всё до мелочей, включая изящные безделушки. Её устраивало, что дочь не высказывает пожеланий по дизайну. Ей претила манера современной молодёжи оклеивать комнату безвкусными плакатами и захламлять полки дисками. Здесь всё было элегантно, функционально, практично: компьютер, стереосистема, плазменный телевизор с видеомagneфоном.

Антонина Павловна полагала, что Клавдия полностью разделяет её вкусы. Это было правдой лишь отчасти. У Клавдии вообще не было собственного мнения на этот счёт. Она привыкла во всём полагаться на маму, и ей не приходило в голову, что она может что-то переиначить по своему. Единственным обжитым местом в комнате был письменный стол.

Антонина Павловна с удивлением перебирала стопку книг, лежащих возле компьютера. Для неё явилось откровением, что они с Ключкой уже не так близки, как прежде. В последнее время навалилось слишком много работы: лекции, семинары, репетиторство. Это позволяло не думать о деньгах, но за финансовую независимость приходилось платить свободным временем. Ей редко удавалось провести с дочерью даже выходной, не говоря о вечерах, сходить куда-нибудь вместе или просто поговорить по душам. Она полистала «Иллюстрированную энциклопедию мирового театра».

– С каких пор ты увлекаешься историей театра? – поинтересовалась Антонина Павловна и про себя отметила, как мало знает об увлечениях дочери.

– Ты ведь сама меня водила по театрам, – напомнила Клавдия.

Для Антонины Павловны ответ прозвучал, как укор. Прежде они выбирались на спектакли хотя бы раз в месяц. А теперь из-за вечерников от этого пришлось отказаться. Она решила, что девочка тоскует по театру и по общению, но не говорит об этом из-за свойственной ей замкнутости.

– Нам надо возобновить эту традицию, – сказала она. – Посмотри в афише, куда бы тебе хотелось сходить. Постараюсь в ближайшее время заказать билеты.

– Хорошо, – покорно согласилась Клавдия.

В её планы не входило реанимировать культпоходы с мамой. Она и без того посещала театр чаще, чем когда-либо. Поскольку Савва учился на гримёра, у него была возможность доставать контрамарки на лучшие спектакли. Оставалось надеяться, что мамин энтузиазм скоро потонет в пучине повседневных забот.

Антонина Павловна взяла следующую книгу и с недоумением повертела её в руках. Клавдия напряглась, предвидя каверзный вопрос:

– А зачем тебе палеонтология?

– Просто, – пожалла плечами девушка и, поняв, что без объяснений тут не обойтись, добавила: – У одной девочки из нашей группы отец палеонтолог.

– Ну и что? Это не повод, чтобы увлекаться такой скучной дисциплиной.

– Напрасно ты считаешь её скучной. Ты, например, знаешь, что в метро встречаются останки ископаемых животных?

– В метро? – удивилась Антонина Павловна.

– Да, в мраморе. Представляешь, они там пролежали миллионы лет. А мы проходим мимо и даже не замечаем их.

Антонина Павловна улыбнулась. Всё же Ключка ещё ребёнок. Хорошо, что она сохранила детскую любознательность и умение удивляться. Подольше бы она оставалась такой. Однако во всём надо знать меру.

– Не слишком распыляйся. Не забывай, что главное – учёба, – назидательно сказала Антонина Павловна и вышла из комнаты.

Клавдия вздохнула с облегчением. Пронесло. Под конспектами лежала книга «Великие соблазнительницы», которая и впрямь вызвала бы много вопросов. В принципе в ней не было ничего фривольного, обычные очерки про женщин, которые оставили след в истории, начиная от Клеопатры и кончая звёздами прошлого века: Коко Шанель и Марлен Дитрих. Но объяснить маме, почему она выбрала эту книгу, было бы нелегко.

Савва пребывал в отличном настроении. Лёд тронулся. Дикий зверёк по имени Клавдия постепенно приручался. Девушка перестала прятать свои роскошные волосы и старалась ходить без очков. Он не предполагал, что его так увлечёт игра в Пигмалиона. Шаг за шагом он создавал из Клавдии совершенство.

Девушка нравилась ему всё больше. Она обладала отличным чувством юмора. Правда, с ней всегда приходилось быть начеку. Порой она могла обидеться или вспылить по любому надуманному поводу. Но задача в том и состояла, чтобы убрать её комплексы. Именно с Клавдией Савва в тонкостях постигал основной секрет своей профессии: чтобы изменить внешнее, нужно прежде поменять внутреннее.

Сегодня он собирался сделать очередной шаг на долгом пути достижения цели.

Переход на «Китай-городе» возле памятника Ногину по праву считается излюбленным местом встреч и москвичей, и гостей столицы. Разминуться здесь практически невозможно, несмотря на то, что поток пассажиров не иссякает ни днём, ни вечером.

В ожидании Клавдии Савва стоял, прислонившись к стене. Возле эскалатора, ведущего наверх, квартет музыкантов играл Моцарта, неся культуру в массы. Воздушная и светлая музыка великого австрийца звучала чужеродно в душной подземке. Виртуозная игра завораживала. В раскрытом футляре от скрипки лежала мелочь и мятые десятки. В этом было что-то унижительное. Билет на такой концерт в зале филармонии стоил бы совсем другие деньги. Впрочем, музыкантов не смущало, что им приходится играть перед спящей безразличной толпой. Каждый зарабатывает, как может.

Савва внёс свою лепту.

Моцарта сменил Вивальди.

– Привет. Давно ждёшь? – раздался за спиной голос Клавдии. Она кивнула в сторону музыкантов. – Хорошо играют.

– Да. Они здесь бывают часто. Иногда я нарочно выхожу на «Китай-городе», чтобы послушать.

Под звуки скрипок Савва с Клавдией направились к эскалатору. Мелодия становилась всё тише, пока не потерялась в недрах подземки.

– Как несправедливо устроен мир. Талантливые музыканты играют в переходе, а какой-нибудь ноль без палочки имеет всё, – сказала Клавдия.

– Может быть, в этом и есть высшая справедливость, – философски заметил Савва.

– В смысле? – не поняла Клавдия.

– Ты ведь считаешь вполне оправданным, когда одному даётся талант, а другому – ни шиша. Может, обделённые тоже думают, что это несправедливо. А так они получают компенсацию. Не талант, так деньги.

– По-твоему, если и талантливый, и богатый – это верх несправедливости? – с издёвкой спросила девушка.

– Нет, просто, если постоянно преследуют обломы, эта философия помогает не впасть в уныние, – улыбнулся Савва.

– Может быть, – пожала плечами Клавдия. – Хорошо, когда знаешь, чего хочешь. Ты вот себя нашёл, а я учусь просто потому, что так надо.

– Какие твои годы. У меня тётка в полтинник купила вязальную машинку и поняла, что всю жизнь занималась не тем. Сейчас такие авторские работы делает! В элитных бутиках продают.

– А ты хотел бы стать богатым и знаменитым?

– Что значит «хотел бы»? Я им стану. Я ведь ужасно талантлив! – провозгласил Савва.

– Да, от скромности ты не умрёшь, – усмехнулась Клавдия.

– Существует столько способов закончить жизненный путь, что умереть от скромности – это явный перебор.

– Да ну тебя. С тобой невозможно говорить серьёзно.

Они вышли из метро. В воздухе висела морось. Город словно устал от напряжённого дня и прикорнул, прикрывшись серым одеялом дождя.

– Куда мы идём? – запоздало поинтересовалась Клавдия.

– На танцы, – ответил Савва.

– Кроме шуток.

– Я не шучу.

– Ты серьёзно?! – Клавдия даже остановилась.

– Слушай, подруга, – это диагноз. Тебя сегодня заклинило на серьёзности.

– Зато ты из себя корчишь шута горохового. Ты мне можешь нормально ответить?

– Отвечаю нормально: мы идём на танцы, – повторил Савва.

– Я не умею танцевать, – помотала головой Клавдия.

– А тебе и не надо уметь. Мы идём записываться на танцевальный курс хастла.

– Это ещё что?

– Клубный танец. Очень красивый. И главное – несложный, основам можно быстро научиться. В Инете пишут, что всего несколько занятий и будем танцевать.

– Никуда я не пойду. Мне это не нужно, – заупрямилась Клавдия.

– Ты ведь согласилась поменять имидж, – напомнил Савва. – Думаешь, достаточно наложить макияж и всё? Имидж – это состояние души.

Наверное, Савва был прав, но одно слово «танцы» наводило на Клавдию ужас. Она уже предвидела, как все будут потешаться над её неуклюжестью.

– А без танцев нельзя? – спросила она.

– Нет. Ничто так не раскрепощает.

– Ну уж нет! Я не собираюсь раскрепощаться! – выпалила Клавдия.

Она так привыкла к внутреннему рабству, что любое упоминание свободы вызывало в ней сопротивление. Савва почувствовал, что девушка находится на грани срыва. Такое случилось уже не раз. Общаться с ней было всё равно, что идти по минному полю: ничто не предвещает угрозы и вдруг на ровном месте взрыв эмоций.

– Ты когда-нибудь заглядывала в словарь русского языка? – спокойно, чтобы не вызвать бури, спросил он.

– А что? – насторожилась Клавдия.

– А то, что слова «раскрепощение» и «разврат» не являются синонимами. Танцы тебя научат двигаться, а не маршировать.

Некоторое время они шли молча. Клавдия обдумывала сказанное. Несмотря на доводы Саввы, у неё в душе зрел протест. Хорошо ему выставлять её на посмеище. Попробовал бы сам оказаться на её месте.

– А ты что в это время будешь делать? – спросила она.

– Учиться танцевать. Я ведь тоже не умею.

Такой поворот настолько ошеломил Клавдию, что она остановилась и уставилась на Савву.

– Ты будешь танцевать? – с ударением на каждом слове произнесла она.

Чтобы представить Савву в роли танцора, нужно было обладать недюжинным воображением.

– Чего не сделаешь ради любви к искусству? Кроме того, тебе же нужна пара.

«Да, парочка из нас ещё та», – мрачно подумала Клавдия. Однако вся злость на Савву тотчас улетучилась. Теперь ей было нечего возразить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.